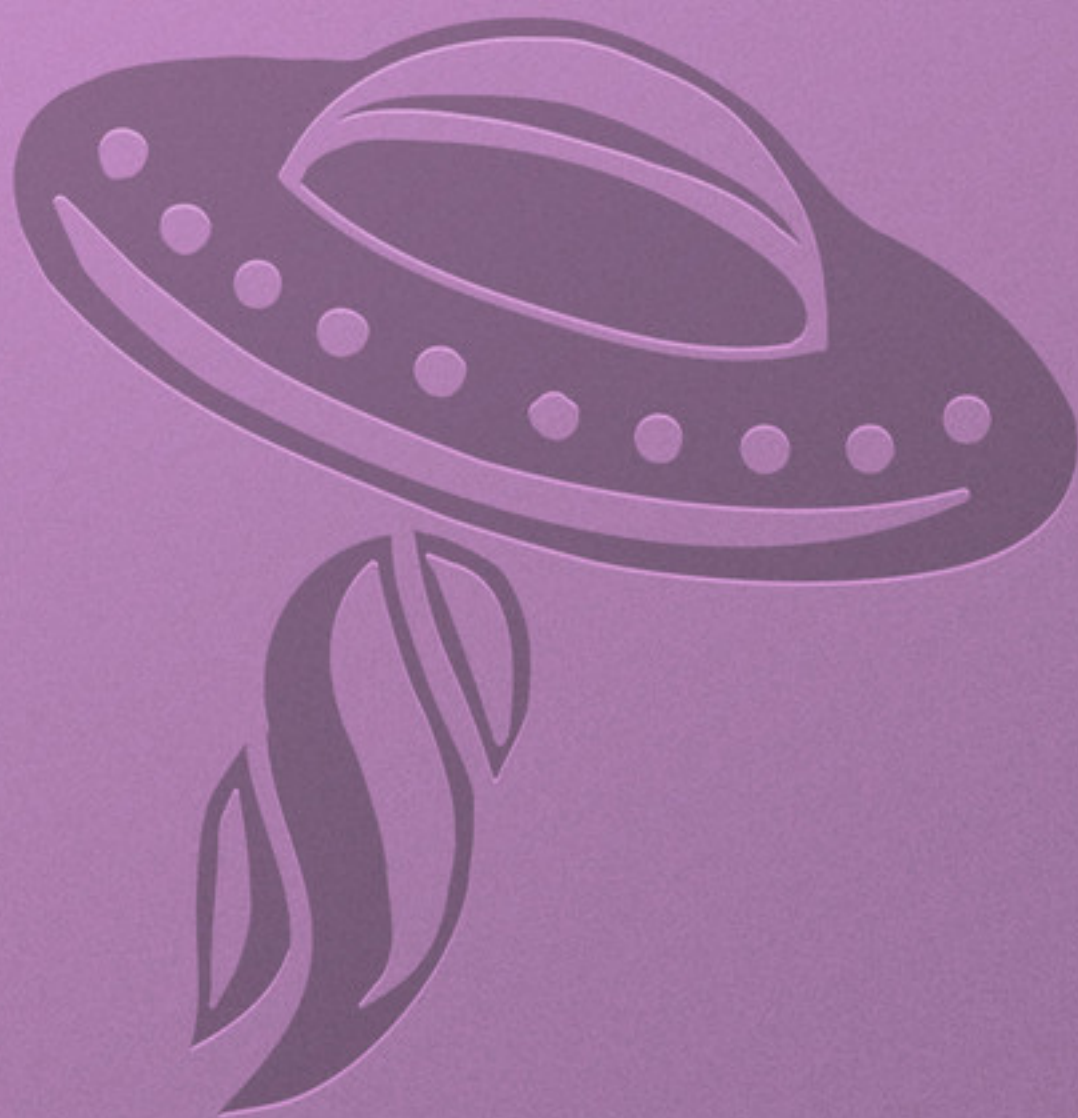

Кир Булычев

Старый год

Театр теней

Кир Булычев

Старый год

«ЭКСМО»

1998

Булычев К.

Старый год / К. Булычев — «Эксмо», 1998 — (Театр теней)

Сюжет основан на допущении существования рядом с нашим иного мира, где время остановилось, и потому там не существует смерти. Юные герои, Егор и Люся, попадают туда тем же сказочным образом, как и прочие его обитатели, — не пожелав перейти в новый год вместе со всеми остальными обитателями нашей Земли. Они переживают невероятные приключения в империи Киевского вокзала и чудом вырываются обратно, воспользовавшись секретным проходом между мирами. К расследованию жизни того мира подключается Институт экспертизы и главные герой первого романа "Вид на битву с высоты" Гарик Гагарин. Он много узнает о мире мертвого времени и благополучно возвращается в лабораторию. Зато Егор и Люся, попавшие в тот мир вторично, вынуждены в нем остаться.

© Булычев К., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Кир Булычев

Старый год

Часть I

ЕГОР ЧЕХОНИН

Почти закон: под Новый год в Москве оттепель.

Две недели природа засыпает город снегом, машет простынями метелей, украшает окна и витрины белыми узорами – и вот за несколько часов все это великолепие размокает.

С неба сыплется мокрая крупа, сугробы съеживаются и темнеют, из подворотен выползают лужи, насморк и кашель набрасываются на жителей столицы – но новогоднему настроению эти неприятности почти не мешают. Ведь люди – мастера обманывать себя надеждами и уверены, что наступивший год в два счета покончит с бедами, болезнями и разочарованиями. Утром проснулся, и все уже улажено. Даже умирать в новом году никто не собирается.

Способность человека к самообману просто фантастическая. Казалось бы, за миллион лет эволюции пора повзрослеть, набраться печального опыта и понять – каждый последующий год хуже предыдущего. И самое лучшее, если бы можно было остаться в прошлом году и никуда не спешить...

Примерно так размышлял Егор Чехонин, поджидая автобус в Ясенево и наблюдая, как скользит, торопится к остановке толстячок в дубленке, волоча сетку, полную апельсинов, а под мышкой у него бумажный пакет, из которого торчит хвост горбуши.

Рассуждения о человеческой наивности не были данью минутному капризу. Если кто в Москве и имел право осуждать предновогоднюю суету, этим человеком был Егор Чехонин, шестнадцати лет, ученик девятого класса.

Подошел автобус. Он казался набитым, потому что женщины предпочитали стоять в проходе, оберегая праздничные платья. Некоторые мужчины стояли за компанию, а сиденья оставались свободными. Толстячок уселся перед Егором, сетку водрузил на мокрые колени, а горбушу держал на весу – хвост к потолку.

В автобусе пахло духами. Озабоченно смеялись женщины. Кто-то ахнул: «Неужели забыли?» Что они еще забыли?

Егор глядел в мокрую тьму за окном и заново переживал разговор с Жорой, причем теперь-то находил нужные, ядовитые слова и неотразимые аргументы. Но что за радость махать пашкой вслед ускользавшему врагу?

...Целый час Егор прождал Жору на площадке шестого этажа.

Уже давно стемнело, в подъезде хлопали двери, отовсюду к Егору сползали вкусные запахи. А ведь Егор с утра ничего не ел. Полдня добывал адрес этого Жоры, потом разыскивал его дом среди одинаковых корпусов и мысленно репетировал будущий разговор. Он думал, что скажет Жоре и что ответит ему Жора, как Жора будет лгать и изворачиваться и как он прижмет Жору в угол и тот, отчаянно сопротивляясь, будет вынужден отдать магнитофон.

Жоры все не было, и жуткий терзающий голод постепенно овладевал Егором, лишая его способности трезво думать. Может быть, именно голод отнял у его аргументов силу и убедительность. Потому что когда Жора наконец явился – выплыл из лифта, распахнул кожаное, чуть ли не до земли черное пальто, достал из кармана джинсов ключ, увидел вскочившего с подоконника Егора, сразу узнал, помахал игриво могучей лапой, пригласил заходить, спросил вежливо, давно ли Егор ждет... И тут Егор начисто забыл, как намеревался говорить с Жорой.

Они стояли посреди большой, почти пустой комнаты – в углу тахта, рок-звезды из журналов, прикрепленные к обоям, проигрыватель с разнесенными по углам колонками, куча кассет на журнальном столике и рядом пустая бутылка из-под джина «Бифитер». Они стояли посреди комнаты, и Жора скучал, потому что заранее знал, чем закончится их беседа, а Егор никак не мог пробиться сквозь это одеяло скуки и тоже догадывался, что разговор кончится его поражением.

– Но ты же брал! Брал же? – Егор запомнил лишь свои слова, а ответы Жоры начисто вылетели из головы. – Ведь ты обещал отдать? Забыл, что ли? Так я напомним. Я тебе отдал в починку отцовский магнитофон, «Грюндиг», двухкассетник, стерео, Смирнитский из десятого «А» мне твой телефон дал. Ты обещал за три дня сделать, позавчера вернуть. Я тебе две кассеты «Сони» за это отдал. Отдал ведь?

Жоре было скучно. Ведь он никогда не видел магнитофона, не знает Егора, и вообще ему пора уходить, а может быть, наоборот, к нему вот-вот должны приехать гости. Он не скрывал сочувствия к Егору, он говорил высоким голосом – такой голос не соответствовал массивному телу тяжелоатлета.

– Ты бы расписку взял, – говорил Жора. – Какой-нибудь документ у нотариуса. Знаешь ведь, какие у нас дикие времена наступили! Разве можно так легкомысленно чужим людям доверять? Да ты у нас Дон Кихот какой-то.

Слова про Дон Кихота Егор запомнил. Они показались особенно обидными. Он рванулся было к Жоре, чтобы убить его, но тот даже не стал отступать. Сказал, глядя на Егора маленькими, мышинными глазками:

– Не рискуй, парень. Мы же с тобой в разных весовых категориях. Меня меньше чем гранатометом не достанешь. Да стой же, тебе говорят!

Он перехватил руку Егора в движении, завернул ему за спину, заставил его сгорбиться в глубоком поклоне.

– Тебя же предупреждали. Ты что, хочешь Новый год с дулей под глазом встречать? Можем тебе обеспечить.

Егор сдался, обещал больше не рыпаться.

Но не ушел. Разговор как-то продолжался. Почему-то Жора пошел на кухню, поставил чайник, открыл холодильник, начал вслух считать в нем бутылки. Егор пошел за ним следом, остановился в дверях кухни и просил, хотя ему было стыдно просить. Жора все сделал не так, как можно было ожидать. Он не шумел, не бил себя в грудь, не выталкивал Егора из квартиры. Он терпел его и скучал.

– У тебя совесть есть?

– Жалкие остатки, – искренне ответил Жора. – В ближайшее время собираюсь избавиться.

Он был на голову выше Егора. Ах как жаль, что у Егора нет пистолета! Он готов всадить в этого гиганта с писклявым голосом всю обойму – а потом пускай сажают в тюрьму! А может, просто вытащить из кармана пистолет и увидеть страх на этом розовом лице...

Как Егор ушел от Жоры, он не помнил.

Он не сразу поехал домой. Наверное, целый час бродил по улицам, скользил по мокрому снегу и мысленно повторял прошедший разговор, внося в него поправки, находя убедительные слова, которые должны были подействовать на бессовестного Жору, но в то же время Егор понимал, что возвращаться домой поздно и возвращение ничего не изменит.

А потом Егор случайно увидел на столбе часы. Без пяти десять. До Нового года осталось два часа. А он тут стоит посреди Свиблова на окраине Москвы.

И тогда Егор побежал к остановке автобуса...

Он ехал к метро и ощущал, как между ним и пассажирами автобуса возникает стеклянная перегородка, словно он оказался под колпаком. Звуки доходили неясно, кружилась голова,

снова начал мучить голод. Он даже представил, как вытаскивает из пакета толстячка горбушу и впивается в нее зубами.

На конечной остановке, у метро, Егор вышел из автобуса и остановился, глядя на ярко освещенный вход. Многие уже спешили – видно, им далеко ехать, боялись опоздать.

Именно в тот момент Егор понял, что спешить ему некуда.

Вот он придет домой. Мать спросит: «Хлеб купил? Мы что же, по твоей милости должны Новый год без хлеба встречать?»

Это будет первый акт трагедии.

Во втором акте на сцену выйдет отец и загремит красивым баритоном: «Ты принес магнитофон?»

Двухкассетник был новой, дорогой, любимой игрушкой отца. А тут уж ни возраст, ни солидность в расчет не идут. Может быть, когда-то и Егор побывал в роли новой любимой игрушки. Вернее всего, когда-то мать числилась в новых дорогих игрушках. Но сегодня самая любимая игрушка – двухкассетник. А его нет. Егор еще утром надеялся, что пронесет, что отец не хватится.

Хватился.

Произошла шекспировская сцена, которую невозможно описать.

Как в настоящей трагедии, актеры говорили с придыханием, жестикулировали, только что не раскланивались перед зрителями. Варианты лжи, придуманные Егором, были неубедительны, фальшивы и противны ему самому. Все эти «поверь мне, папа», «я обязательно его принесу, папа», «даю слово, папа» были лишь жалкими попытками отсрочить время и убедить самого себя, что он отыщет этого Жору и все хорошо кончится...

Все кончилось плохо.

...В метро было как в автобусе – та же стеклянная перегородка. Он один, они все вместе. Они шутят, смеются, несутся в поезде к следующей станции – к границе жизни. Граница не вымыслена, она реальна для всех этих людей. Это событие. Не будь Нового года, отец мог бы смириться, снизойти, он ведь не злой. И наверное, не сказал бы: «Без магнитофона домой можешь не возвращаться».

Вагон несся в будущее, к границе года, и все в нем, как любопытные туристы, крутили головами и щебетали: «Ах, как интересно! Мы этого еще не видели».

А почему Егор должен нестись вместе с этой толпой? Ему не с кем поделиться радостью. Ему вдруг показалось, что если подождать, пока все выйдут, а самому остаться, то можно вырваться из этого проклятого движения к следующему году – можно остаться, как отцепленный и забытый на запасных путях вагон.

Он помедлил – все уже выкатилось на платформу, унося нетерпение, ожидание, ложные надежды. Егор медлил. И тут механический голос произнес: «Поезд дальше не пойдет. Просьба освободить вагоны», в окно заглянула дежурная в красной каскетке и помахала Егору свернутым флажком – чего же ты, юноша, все спешат...

Егор покорно вышел из вагона и побрел к эскалатору.

В нем родилась глупая надежда, что сейчас в метро прорвется подземная река и голубой холодный поток рванет к туннелю, сметая вниз всех, в первую очередь самого Егора, – и тогда можно будет утонуть и не возвращаться домой.

Даже если не погибнешь, а окажешься в больнице, отцу, который прибежит тебя навещать, можно сказать, что магнитофон унесло потоком под землю, и тогда отец скажет: «Бог с ним, с магнитофоном, новый купим. Главное, ты остался жив!»

Но подземная река в тот день не прорвалась. И ничто не помешало Егору подняться наверх.

В вестибюле, у стены, облицованной желтой веселенькой плиткой, у телефонов-автоматов, стояла худенькая девочка лет двенадцати. На ней было потертое, сиротское клетчатое

пальто. Из-под повязанного по-взрослому платка выбивались темные волосы, тонкие брови были высоко подняты.

Девочка стояла прямо, напряженно, готовая сорваться, побежать кому-то навстречу. И в то же время она не верила собственным надеждам. Вокруг спешили люди, время поджимало, некому было заметить и разделить ее одиночество и тщетное ожидание. Егор понял, что девочка единственный здесь человек, который, как и он, не привязан к празднику и не стремится пересечь границу в будущий год. Егор был готов подойти к девочке и сказать, что он ее понимает. Но что скажешь ребенку? Только испугаешь.

Было двадцать минут двенадцатого.

До дома – шесть минут ходьбы. Тысячи раз путь пройден, отмерен, отсчитан – шестнадцать лет жизни.

Шесть минут Егор растянул в двенадцать.

Еще пять минут простоял во дворе, глядя на мелькание теней в окнах своей квартиры – гости уже съехались, собирают на стол, мама беспокоится, но не за Егора, а потому, что он не несет хлеб. Ну как ты скажешь гостям, что нет хлеба? Не пойдешь же к соседям в новогоднюю ночь занимать три батона! А отец уже в который раз спрашивает маму, словно та спрятала Егора под кроватью: «Интересно, как ты намерена провести праздник? Вообще без музыки?» Словно музыка – это документ, пропуск, по которому пускают за ту границу. В глубине души Егор допускал, что мать все же беспокоится, не попал ли он под машину. Даже поглядывает с тревогой на часы. А если он не придет к Новому году, то и вправду начнет звонить в милицию.

Права на беспокойство Егор родителям давать не желал. Будет еще хуже, если они переполошатся. Тогда, стоит ему войти в дом, к негодованию хлебному и магнитофонному присоединится негодование за опоздание. Это будет третий, самый непростительный из грехов: «Ты нас всех заставил волноваться!»

И тогда Егору стало так жалко себя, что он решил домой не возвращаться. Никогда. Лучше он останется здесь или будет бродить по улицам. А потом пойдет на вокзал, сядет на электричку и доедет до Калуги. Он как-то слышал, что один мужик местными электричками добрался от Москвы до Сочи. В крайнем случае попадешь в тюрьму. В тюрьме тоже люди. А если и зарежут его, даже лучше.

Но исчезнуть – значит загубить праздник родителям и гостям. Если всю ночь будут обзывать морги и гонять по больницам, он потеряет право на жалость. Надо получить отсрочку. Егор отыскал в кармане жетон и вышел на проспект к автомату.

К счастью, Серега сам подошел к телефону.

– Серега, это я, Егор. У меня к тебе просьба.

– Ты из дома? Перезвони мне через три минуты. В дверь звонят. Гости пришли.

– Открой им и возвращайся. Я не из дома. Я из автомата.

– Беда какая-то?

– Скорей!

Мимо автомата быстро шагали Семиреченские. Когда-то они были тетей Ниной и дядей Борей. Теперь превратились в Нину и Борю – стирается разница в возрасте. Одно дело, когда им по двадцать три, а тебе – три. Другое, когда тебе шестнадцать, а им и сорока нет.

В телефонной трубке попискивали отдельные голоса. Возбужденные и веселые. Видно, гости объясняли Сергею, почему они припозднились. Сергея не было очень долго. Егор в сердцах чуть не бросил трубку.

– Я слушаю, – сказал Сергей.

– Позвони моим и скажи, что я буду встречать Новый год у тебя.

– Ты с ума сошел! У меня же тарелок не хватит.

– Не бойся, я к тебе не приду. Мне нужно только, чтобы они не волновались.

– Не валяй дурака. Они тут же потребуют тебя к телефону, чтобы ты сам все объяснил. А откуда я тебя возьму?

– Ну, тогда скажи, что я только что от тебя вышел. Поехал домой.

– От меня к тебе почти час ехать. Все пропустишь. Ты что, хочешь Новый год на улице встретить?

В голосе Сергея звучала тревога. Он такой же, как все. Он не может отказаться от общего веселья.

– Позвони, пожалуйста, чтобы им Новый год не сорвать.

– Вот сам и позвони. Не буду врать.

– Я не могу, у меня больше жетона нет.

– Что? Сорвалось? С магнитофоном.

– Сорвалось.

– Ну, вот видишь! Я же предлагал поехать вместе.

– Пустой номер. Его без гранатомета не проймешь.

– Послушай, иди домой. Под Новый год все добрые. Бить же не будут!

– Меня никто никогда пальцем не тронул.

– Вот видишь.

В трубке послышалась возня, словно туда залез большой жук, потом девичий голос закричал:

– А это кто? Кто говорит? Приходи к нам, незнакомец.

– Я незнакомка, – ответил Егор и повесил трубку. Так он и не понял, позвонит Серега или стучится. Без четверти двенадцать.

Окна отсюда не видны, надо вернуться во двор. Но зачем? Затея с Калугой и Сочи была мальчишеством, тебя снимут с поезда милиционеры и как малолетнего хулигана вернут папе с мамой.

Может, и в самом деле возвратиться, надеясь на то, что Новый год склоняет людей к доброте? Склоняет, но только до третьего тоста. А потом начнется! И все это оттого, что родители Егора не любят. И давно уже не любят. Наигрались, а теперь не ведают, как избавиться. Помнишь, как в ноябре отец сказал: «Жалею, что не отдал тебя в Суворовское училище!» Если Егора не станет, им только легче – отец давно мечтает о кабинете. Теперь займет его комнату. И с чего Егор решил, что они кинутся искать по моргам? Они выполняют свой долг, не найдут и будут жить в ореоле мучеников. «Знаете, они потеряли сына! Пропал без вести! Несчастные родители! Правда, мальчик был трудный...»

Стало холодно. Под утро, наверное, ударит мороз. Так что ночевка в сугробе нас не устраивает.

И тут Егор вспомнил – есть место, куда ребята бегают покурить, а те, кто повзрослее, – целоваться.

Площадка перед чердаком! Вряд ли кому придет в голову забираться туда в новогоднюю ночь.

Егор перебежал через газон, заваленный слежавшимся снегом, переждал за машинами, пока в подъезд вваливалась целая семья, причем папаша тащил длинную худосочную елку. Что они, ее ночью наряжать будут?.. Ну вот, вроде путь свободен.

Егор вошел в подъезд. Лифт долго возвращался сверху. Егору все казалось, что сейчас за спиной стукнет дверь подъезда и кто-нибудь из гостей или соседей спросит: «А ты что здесь делаешь?»

Наконец двери лифта разъехались. Егор шагнул внутрь, и рука, не подчиняясь мозгу, нажала на кнопку пятого этажа.

Только доехав, Егор спохватился, что ему надо выше.

На девятом, последнем, этаже Егор вышел из лифта. Четыре квартиры и ажурная железная лестница вверх к чердаку.

Егор задержался у лифта, стараясь среди торопливых – ведь последние минуты – звуков угадать те, что доносились с пятого этажа. Да что услышишь, если дверь в квартиру закрыта!

Егор не пошел на чердачную площадку, а начал спускаться по лестнице – как во сне. Не хотел, а спускался. Восьмой этаж, седьмой... этажом ниже остановился лифт, застучали шаги, звонок в дверь – нервный, отрывистый, – и следом раздался взрыв голосов:

– Успели! Какое счастье! Что случилось? А мы уж думали...

Они-то успели. Теперь вместе со всеми поедут на поезде «Новый год». Кому-то это кажется счастьем...

Егор подождал, пока дверь захлопнется и отрежет звуки. Затем пошел дальше. Нет, он не собирался к себе – только дойдет до двери, а там... Егором овладела тупость.

Ноги сами принесли его к двери. Он постоял, рассеянно водя пальцем по медным шляпкам гвоздей, рассекавшим ромбами черный дерматин, которым была обшита дверь. Ничего не разберешь. Только гул голосов.

Рука сама достала ключ, сунула его в скважину и повернула. Дверь беззвучно отворилась. В прихожей было много шуб и пальто – они перегрузили вешалку и лежали грудой на стуле. А рядом, как в магазине, стояли строем женские сапоги.

Из большой комнаты доносились голоса. Если говорят о нем – он шагнет дальше.

Голос Бори Семиреченского:

– Ну, у всех налито? Артур, телевизор включил?

– Включаю.

Голос отца:

– Садитесь, а то упустим.

Нина:

– Ну, кто же откроет шампанское? Где настоящие мужчины?

Но мать? Она-то думает о Егоре?

Вот ее голос:

– Боря, положи себе рыбки, ты имеешь гадкую манеру не закусывать.

– Это я только нечетные не закусываю. А четные запиваю!

Все засмеялись. Сквозь смех неся ровный гул – Егор представил, что на экране телевизора видна Спасская башня.

Звон бокалов, смех, шум телевизора, кашель... А где же Егор? Его забыли? Оставили на платформе?

Пальцы все еще сжимали ключ.

Никто не почувствовал, что несчастный, потерянный человек стоит от них в трех метрах. Да при чем тут чувства? Все люди несутся к границе года. Сейчас поднимут бокалы, содвинут их разом... В новом году они отлично обойдутся без него.

И в этот момент Егор понял, что надо сделать.

Егор отступил из прихожей, захлопнул за собой дверь и кинулся вниз по лестнице. Начали бить куранты.

Он точно знал, что, когда он выбежит из подъезда, диктор торжественно произнесет: «С Новым годом, дорогие друзья!»

Он не услышит последнего удара часов и возгласа диктора.

Дверь подъезда сама приоткрылась, пропуская его.

Вокзал опустел. Поезд ушел и унес с собой не только веселых туристов, но и весь мир, к которому они принадлежали.

Егор не слышал, как за спиной закрылась дверь подъезда.

Он пошел вперед и через двадцать шагов остановился.

За те минуты, пока он был в доме, снег на дворе стоял.

Двор выглядел серым, грязным, осенним, и небо над головой было затянуто сизыми тучами, которые быстро неслись над крышами.

Ночь кончилась, но день не наступил.

Это был мир сна, но Егор знал, что не спит. Он мог бы ущипнуть себя, но в том не было нужды.

Еще одна странность бросилась в глаза: ни в одном из окон не горел свет. Окна казались слепыми, и даже стекла не блестели. Совершенно очевидно – в этом доме никто не жил. Как и в доме напротив.

Впрочем, все это пустяки! Главное – удалось! Он ушел от них, он покинул праздничный поезд и нашел то место на земле, куда можно спрятаться никому не нужному человеку.

Егор стоял посреди двора и привыкал к новому миру.

Или к старому миру?

Он, разумеется, никогда не задумывался, каково оказаться одному, по ту сторону границы, но внутренне он сразу согласился с тем, что в прошлом году должны остаться дома, асфальт, небо. А как же иначе? Ведь дома не движутся сквозь время вместе с людьми – они есть в прошлом, они остаются и в будущем. А животные? А растения?

На второй вопрос ответ нашелся сразу. Деревья, чахлые саженцы, посаженные два года назад посреди двора, исчезли. Лишь одно из них, что засохло еще прошлым летом, осталось прутиком над покосившейся скамейкой.

Мгновенно вспыхнуло любопытство: а что же произошло дома? Подняться наверх и посмотреть?

Нет, страшно. Даже не страшно, а не хочется. Улица – ни к чему не обязывающее место. А дома, даже если там никого нет, ты встретишься с чем-то, что принадлежало тебе или маме.

Егор вышел из ворот.

Улица была пуста, как бывает пусто в рассветный осенний час, в непогоду. Троллейбусы еще не вышли на линию, а запоздавшие пешеходы разошлись по домам и спят.

Нет, не спят, поправил себя Егор. Они смотрят телевизоры. В будущем году.

Егор остановился посреди улицы и с облегчением вздохнул. С облегчением, как человек, нашедший выход из черного, дремучего леса.

Его чувство было схоже с тихой радостью графа Монте-Кристо, выбравшегося на свободу. Пока ему все равно, какая из себя эта свобода. Главное, что ты больше никому ничего не должен и никто больше не скажет тебе, что надо делать.

Я вам не нужен? Я ушел.

Вместо сквера по ту сторону улицы был серый пустырь, через него в два ряда тянулись скамейки. Егор подошел к ближайшей скамейке и пощупал пальцами холодную, чуть влажную спинку. Вдруг и скамейка лишь привиделась ему? Но скамейка была реальной. Можно даже сесть на нее и подумать.

Егор сел. И понял, что за последние несколько минут он устал так, словно таскал мешки на овощной базе.

Почему же?

А потому, что ты живешь шестнадцать лет в обыкновенном мире. Ты точно знаешь, что чудес не бывает, и если летающие тарелочки появляются, то, уж конечно, не на твоём дворе. Это в книгах brave капитаны сражаются с пиратами и летают на Луну, а в жизни ты получаешь очередную «пару» за сочинение по Некрасову и отец решает, что это прекрасный предлог, чтобы отказаться от обещания подарить тебе велосипед. В твоём мире была «холодная война», Берлинская стена и перестройка. А здесь?

Представь себе, кто-то рассказывает историю молодого человека Е., который отказался идти со всем человечеством в следующий год, потому что у него не сложились отношения с родителями, и которого никто не любит. В этом рассказе фигурировал бы Жора, заигрывающий чужие магнитофоны...

И ты, Егор, отложил бы этот рассказ в сторону, потому что даже фантастика должна иметь разумные пределы.

Можно полететь на Марс или на Новую Гвинею, можно спуститься в пещеру или в морскую впадину, можно даже, говорят, отправиться куда-то на машине времени.

Но ведь ты, Егор, без всякой машины выпал из потока времени.

Время несется мимо, а ты сидишь на берегу и смотришь на эту холодную черную реку. А может быть, ты переместился в иной мир, параллельный с нами, во всем похожий на наш, но мертвый, в котором существуют только неживые вещи?

Значит ли это, что я здесь совсем один?

Казалось бы, даже одной такой мысли достаточно, чтобы смертельно испугаться. Но страха не было.

Как и голода. Ведь только что Егор был страшно голоден, слюна текла, как у павловского пса. Сейчас он вспомнил о чувстве голода, но не испытал его.

Егору было интересно. Его не беспокоило, как вернуться домой, – ему вовсе этого не хотелось. Ему хотелось поглядеть на этот новый мир. И понять, что это все значит. Ведь этот мир не может быть сказочным хотя бы потому, что Егор, вполне нормальный и трезвый человек конца XX века, по нему разгуливает.

Надо проверить.

Егор зажмурился, потер глаза. Потом, дернув головой, резко открыл их.

Вокруг была та же самая серая пустота, беззвучная и оттого густая и даже вязкая.

В конце пустыря возле выхода на улицу Егор увидел строения, которых раньше здесь не было.

Видно было недалеко, словно над землей тянулся легкий и почти прозрачный туман. Лишь подойдя к строениям шагов на пятьдесят, Егор сообразил, что видит избушки. Самые обыкновенные деревенские избушки, которым не место на проспекте Вернадского.

Избушки тянулись, образуя улицу, и крайняя из них прижалась к двенадцатиэтажному дому. Стекол в окнах не было.

Егор заглянул в окошко. Внутри было темно и пахло сыростью.

Он потянул за дверь, дверь заскрипела, и этот звук понесся над улицей, скоро заглухнув между домами.

Егор сделал шаг внутрь дома, и тут же дряхлые доски взвизгнули под ногой и половица подломилась. Хорошо еще, что Егор – легковес и у него хорошая реакция. Он выскочил из избы, чуть не грохнулся на асфальт, из которого высывались под углом обломанные доски. Он с трудом удержался на ногах и выпрямился. Оглянулся, испугавшись, не видел ли кто его приключения.

Но город был пуст.

«Или я сошел с ума?» Такая мысль возникла, как будто звякнул отдаленный звоночек.

«А может быть, это все мне только кажется?»

Хоть мысль пропала, она успела нарушить внутреннее спокойствие Егора.

Разношенный короткий сапог Егора был испачкан древесной трухой. Он наклонился и размял пальцами щепку. Все было настоящим. И щепка, и эти избушки, которых быть здесь не может.

«Но ведь сумасшедшие не знают, что они сумасшедшие, – подумал Егор. – Им кажется, что все вокруг нормально. Значит, не исключено, что я сейчас очнусь... проснусь дома.

Или чудеса все же бывают? Чудеса с точки зрения обыкновенного человека, потому что мир вовсе не такой простой, как на уроке естествознания. Я потерплю, и все вернется на свои места – как спадает вода после наводнения, если ты сумел отсидеться на крыше.

Неужели я начал бояться?»

Послышался глухой удар, словно в отдалении выстрелила пушка. Егор вздрогнул. Поглядел в ту сторону, ничего особенного не увидел, если не считать, что за избой стояла большая, в два метра высотой, тумба для афиш.

Егор подошел к тумбе. Поверх прочих листов была наклеена афиша о выступлении джаз-оркестра Олега Лундстрема во Дворце культуры имени Лихачева. Но кто такой Лундстрем и что это за Дворец культуры, Егор не знал. Он попытался оторвать край афиши, и под ней обнаружилась знакомая ему картинка: женщина, подняв руку, призывает к защите Родины. Сквозь дыру на груди воинственной женщины видны были старинные, тесно стоящие буквы. «Казино «Чардаш» с твердым знаком на конце. Там были и другие бумажки. Почему-то от руки большими кривыми буквами на желтом листе – к сожалению, от него остался лишь верхний край – было начертано: «Голосуйте за четвертый список – партию Народной свободы!» Но почему и когда голосовать, осталось непонятным.

Он постарался осторожно оторвать репертуар Молодежного театра, чтобы узнать, что же обещает человечеству партия Народной свободы. Но тумба от такого несильного толчка стала заваливаться и падать... Егор испугался, хотел удержать ее, но его руки вошли внутрь тумбы, и она рассыпалась, превратившись в кучу ржавого железа, бумаги и трухи... Неожиданный порыв ветра поднял эти бумажки...

По улице быстро ехал человек на велосипеде, переднее колесо которого было больше маленького, заднего. На человеке были высокие сапоги, перетянутый поясом блестящий резиновый плащ и каска наподобие пожарной, надвинутая так низко, что из-под нее был виден лишь кончик носа и короткая черная борода.

Надо было окликнуть его, спросить... но о чем? Человек оглянулся, словно уловил мысль Егора. Оказалось, что у него на носу черные очки и он похож на муравья. Гигантского блестящего муравья.

Человек нажал на педали, и велосипед, тяжело крутя колесами, покатил дальше.

Нельзя было его окликать. Человек был чужим.

Если в мире, который окружал Егора, были свои точки отсчета – обернись и увидишь свой дом в ряду таких же, – то человек на велосипеде, подобно старым избушкам, ничего общего с нормальным прошлым не имел. И глядеть на него было страшно.

Надо кого-то найти. Любого обыкновенного человека.

Это желание означало, что страх приближался к Егору. Чувство освобождения улетучивалось. Еще немного – и он попросится обратно.

Егор взглянул на часы. Стрелки стояли на двенадцати.

Они не сдвинулись ни на секунду с того момента, как он вышел из подъезда. Егор потряс рукой, щелкнул по стеклу – часы стояли. Секундная стрелка не двигалась.

Значит, там, куда попал Егор, нет времени. А так не бывает. Старик Эйнштейн лопнул бы от зависти. Эйнштейн, где ты? Но шутить не хотелось.

Страх наползал, как высокая волна – от нее убегаешь, увязая босыми ногами в песке, а она поднимается, закрывая солнце зеленым занавесом, и вот-вот поглотит тебя, как маленькую букашку.

Вдруг Егору показалось, что кто-то ползет за скамейкой. Он замер. Оказывается, ветер пошевелил тряпкой.

Егор побежал. Он бежал, как по темному лесу, боясь оглянуться. Наверное, страх перед лесом и есть самое древнее из человеческих чувств, сохранившееся с тех пор, когда по лесу бродили волки и тигры, а человек был беззащитен.

Но лес кончается. Из него можно убежать. И за краем леса есть дом...

Скамейки отлетали назад, как столбы за окнами поезда. Егор метнулся было к дому, но потом свернул в сторону, к метро, словно там было безопаснее. Оттого, что в городе не осталось звуков: ни щебетания птиц, ни звона трамвая, ни далекого гудка, ни голосов, – стук шагов Егора заполнял истосковавшийся по шуму воздух, который пережевывал звуки, смаковал, наслаждался ими, выпускал, как голубей, летать над крышами, дробил на части и рассыпал по мостовой.

Деревья и кусты между метро и кварталом массивных позднесталинских домов тоже исчезли, и круглая банка наземного вестибюля выглядела одиноко и нелепо, как голый толстяк посреди улицы. Часть коммерческих киосков, что еще вчера вечером окружали метро, пропали, другие стояли, как прежде, но были закрыты железными ставнями, и непонятно, остались там товары или нет. Мир без времени подчинялся своим нелогичным законам. Например, вывеска магазина «Рыба», составленная из стеклянных букв, свалилась на землю, и похожие на аквариум буквы разбились. На месте ее висела другая вывеска, тоже «Рыба», но не стеклянная, а нарисованная на металле. Рядом с ней из открытого окна свисало выцветшее красное знамя. Киоск «Мороженое» был открыт, но мороженого в нем не оказалось. Только картонные коробки.

Еще одна неожиданность: в вестибюле метро горел свет – слабый, желтый, живой свет. Словно изнутри кто-то звал Егора.

Егор толкнул дверь в метро, она послушно отворилась. В ряд у стены висели телефоны-автоматы, напротив стоял театральный киоск с приклеенными изнутри к стеклу афишами и непроданными билетами на хоккей. За проемом был круглый зал, из которого вниз шли эскалаторы. Над круглым залом горел светильник.

Сначала Егору показалось, что зал пуст, но тут за металлическим барьером он заметил краешек клетчатого пальто. Он сделал несколько шагов и увидел замеченную им ночью девочку в поношенном пальто и туго повязанном сером платке. Девочка сидела, сложившись калачиком. Она спала.

Егор не знал, как разбудить ее, чтобы не испугать. Но девочка даже во сне почувствовала его взгляд и подняла голову. Она смотрела на Егора без страха и любопытства. Потом легко поднялась и взглянула на замерший эскалатор. Эскалатор уходил вниз, в темноту, и оттого казался бесконечным. Егору показалось, что девочка ждет, когда же эскалатор поедет вновь.

Между Егором и девочкой был невысокий металлический барьер. Егор перепрыгнул через него.

– Ты что здесь делаешь? – спросил Егор.

Девочка не ответила.

– Я тебя еще вечером видел, – сказал Егор. – Я на тебя обратил внимание.

Девочка молчала и смотрела на эскалатор. Будто терпеливо ждала, когда же этот парень уйдет и оставит ее в покое.

– Честное слово, я рад тебя видеть, – сказал Егор. – Все-таки теперь я здесь не один.

Девочка пожала плечами. Клетчатое пальто было ей коротко, из-под него торчали ноги – прямые и тонкие как палки. Лампа над головами начала тускнеть, словно кто-то включил реостат.

– Больше никто не придет, – сказал Егор. – Пошли отсюда.

– Я не пойду, – сказала девочка. Голос у нее был хриплый, низкий. Наверное, она простудилась.

– Но почему?

– Он обещал приехать. Он сказал, что приедет.

– Метро не работает. – Егор старался не сердиться на упрямство этого ребенка. – Поезда не ходят. Ты же видишь, что никто не поднимается.

– Я подожду, пока оно снова заработает.

Лампа над головами замигала и погасла. Лишь слабый свет проникал снаружи сквозь проем. Девочка вдруг пошла к эскалатору, словно хотела убедиться в том, что он и на самом деле не движется. Егор не стал ей мешать. Девочка остановилась перед непроницаемой темнотой и вдруг спросила:

– Ты где?

– Я жду, – сказал Егор, – пошли.

Они вышли в серый воздух. Девочка схватилась за рукав куртки Егора, будто испугалась, неожиданно проснувшись. И Егору сразу стало спокойнее – как будто девочка забрала у него страх, а ему оставила заботу о слабом существе.

Они стояли под навесом у метро.

– Светает уже, – сказала девочка.

– Здесь всегда так, – сказал Егор. Хотя, конечно, не был в этом уверен. Но он был старожилом этого мира, а девочка только в него входила.

– Светает, – упрямо повторила девочка.

– Посмотри! – громко сказал Егор и осекся – слишком уж далеко разнесся голос. – Снега нет.

– Снега нет, – в тон ему произнесла девочка.

От входа был виден вагон трамвая. Вагон был старый, стекла разбиты, как будто его привезли со съемок про войну сорок первого года.

– Как тебя зовут? – спросил Егор.

– Люся, – ответила девочка. – Люська Тихонова.

Она обернулась к Егору и впервые поглядела на него, словно признала его существование. Глаза у Люськи были серые с черным ободком, а брови оказались тонкими и будто проведенными циркулем, прядь темных волос выбилась сбоку из-под платка. Когда Люська говорила, брови двигались, уезжали вверх, выражая удивление. Люська часто удивлялась.

– Ну, я пошла, – сказала Люська.

– Куда же ты пойдешь? – спросил Егор.

– Домой? – Получилось не утверждение, а вопрос. Словно она и сама в этом не была уверена.

Егор решил было, что Люська сообразила, что она попала в другой мир, но оказалось – причина куда более земная.

– Ты хочешь домой? – спросил Егор.

– А куда же мне теперь? Константин не приехал.

– Кто такой Константин?

– Отец мой, – ответила девочка. – Обещал, а не приехал. А домой я не хотела. И сейчас не хочу.

– Я думаю, что дома у тебя никого нет, – сказал Егор.

Брови опять убежали наверх. Люська молчала – брови спрашивали.

– Ты ведь не хотела Нового года?

– А на что он мне? – спросила Люська. – Только бить будут.

– Кто?

– А все – и мать, и отчим. Они напьются и будут бить меня. В четыре руки.

– Я думаю, – сказал Егор, – что случилась страшная штука. Мы с тобой остались на платформе, а поезд ушел.

– Ты чего говоришь?

– Может, я неправильно понимаю, а может быть, я, к сожалению, прав, – сказал Егор. – Но если очень не хочешь переходить в новый год со всеми людьми, то можно остаться.

– Где?

– Наверное, в старом году.

– А это старый год? – Люська обвела рукой вокруг. Рука высунулась из короткого рукава пальто.

– Ты же видишь – людей нет, даже деревьев нет.

– Ну уж! – вдруг ожила Люська. – Так не бывает.

– Я тоже знаю, что не бывает, – согласился Егор. – Но вот случилось.

– А я не хочу домой идти, – сказала Люська. – Я же убежала, потому что Константин обещал ко мне приехать. А теперь уж, наверное, не придет. Но мне все равно некуда идти. Придется домой.

– А ты далеко живешь? – Егору надоело втолковывать этой тупой девочке простые вещи.

– Вон там, за углом.

– Ну хорошо, – сказал Егор, – пошли, ты сама посмотришь, что там никого нет.

– А ты иди по своим делам, – сказала Люська – Я без тебя дом найду.

– Как хочешь, – согласился Егор. – Я здесь подожду. Если никого не найдешь, возвращайся. Но думаю, мы с тобой здесь вдвоем остались.

– Я пошла, – сказала Люська, но не двинулась с места. Егор стоял, ждал. – А куда они в самом деле делись?

– Опять двадцать пять!

Тогда Люська побежала прочь. Это было так неожиданно, что Егор кинулся было вслед, потом взял себя в руки. Он был уверен, что никого она дома не найдет.

Правда, ему было страшновато, потому что он понимал, что какие-то люди здесь все же есть и девочку могут обидеть. Поэтому Егор медленно пошел следом за Люськой.

Но тут его внимание отвлек звук разбитого стекла. Звук донесся сверху. Егор поглядел туда. Блестя на фоне бегущих облаков, с высокого шестого или седьмого этажа падали осколки стекол. А в самом окне был виден человек, совсем голый, с длинными волосами, но не разберешь – мужчина или женщина – далеко и освещение не очень хорошее.

Осколки разбитого окна зазвенели, рассыпаясь на кусочки, о мостовую.

Тот человек, наверху, смотрел на них, словно удивлялся. Потом неловко перевалился через подоконник – Егор даже крикнуть ему не успел, чтобы был поосторожнее, – и медленно, а главное, совершенно беззвучно полетел к земле, будто испытывал себя, может ли он летать. Он плавно переворачивался в полете, и казалось, что ему лететь нравится.

Но полет оборвался тупым и влажным ударом.

Человек лежал на асфальте.

Егор кинулся было к нему – может, нужна помощь. Ведь в таких случаях не думаешь... Егор пробежал несколько шагов по направлению к лежащему телу. И замер.

Потому что из-за угла быстро, как таракан, выскочил давешний велосипедист. Или другой, но на него похожий. Он словно поджидал там, за углом, и подъехал буквально через минуту после смерти самоубийцы.

Велосипедиста Егор боялся – с первой встречи. Велосипедист был деловит и бесстрастен. Как робот.

Он подъехал к стене, прикоснулся к ней рукой и повернул большое колесо так, чтобы удобнее ступить на землю. Оставив велосипед прислоненным к дому, он сделал два шага и наклонился над распростертым телом самоубийцы. И хотя Егору было до него метров сто, он довольно четко видел, что происходит.

Как бы стремясь ожить, самоубийца двинул рукой – Егор видел, как его пальцы сжимались и разжимались. Затем дернулась голова.

Велосипедист внимательно рассматривал лежащего на асфальте человека. Затем откинул назад черную блестящую полу плаща и, сделав резкое движение рукой, вытащил из ножен короткий меч. Или длинный нож. Меч блеснул в руке. Велосипедист тщательно прицелился и

занес меч. Самоубийца робким движением поднял руку, будто стараясь защититься от удара. Но было поздно. Меч опустился на шею самоубийцы, и его голова покатила в сторону. Велосипедист шагнул следом за головой, нагнулся и быстрым движением поднял ее за волосы. Темная кровь лилась из шеи, как из опрокинутого кувшина.

Движения велосипедиста были деловитыми, экономными. Под другой полой плаща обнаружился мешок. Велосипедист сунул голову в мешок и затянул его.

Затем свистнул. Переливчато, долго – Егору было видно, как вытянулись трубочкой его губы.

Ничего не случилось. Велосипедист отошел к стене, взялся за руль велосипеда и ловким движением взобрался на седло. Велосипед совершил полукруг, прежде чем человек сумел направить его по проспекту.

Егор смотрел вслед велосипедисту.

Он не мог бы сказать себе, испуган ли тем, что увидел, или нет. Он смотрел на эту сцену без интереса, внутренне сжавшись, но не более как на отвратительную сцену в фильме. Его это как будто не касалось.

Егор кинул взгляд в ту сторону, куда убежала Люська. Вот ей этого видеть не следует. Но Люська не возвращалась.

Надо бы отыскать ее. Но какое-то неясное, даже стыдное любопытство заставило Егора вместо этого медленно направиться к обезглавленному трупу. Ему самому непонятно было, что же он собирается там увидеть. Да и не хотелось видеть.

Но он шел.

Не доходя шагов десяти, Егор заметил какое-то движение возле тела, как будто покойник снова намеревался ожить.

Егор замер. Потом все же проклятое любопытство заставило его двинуться дальше.

Но не до конца.

Он остановился в пяти метрах от тела и тогда понял, что же движется. Это были большие светло-коричневые муравьи, размером с пчелу, – они выбегали вереницей из открытого подвального окна и стремились к телу. Они окружили лужу крови на асфальте, облепили шею и руки. Их становилось все больше, и уже казалось, что весь человек шевелится.

Егор решил, что именно велосипедист свистком вызывал муравьев, которые здесь служат как бы санитарями. Иначе откуда взяться муравьям во вчерашнем мире?

И тут до него донесся высокий крик.

Кричал ребенок.

Егор сообразил, что это Люська.

И сразу забыл о страшном велосипедисте, муравьях и самоубийце – главным в этом мире была Люська. Она возвращала Егора к разумным действиям и чувствам. Пока она есть, с ума не сойдешь, хотя бы потому, что надо заботиться о ребенке.

Егор побежал через площадку у метро к домам, что толпились за круглым вестибюлем. Крик оборвался. Стало совсем тихо.

Егор бежал и мысленно уговаривал Люську не кричать, потому что ее может услышать велосипедист.

Егор вбежал во двор дома, в котором был магазин «Рыба».

И сразу увидел Люську. Люська неслась по пустынному двору, но не к нему, не к метро, а к арке, ведущей на проспект.

– Люся! – позвал Егор. – Ты куда?

Люся остановилась как вкопанная. Повернула голову. С надеждой и страхом – не показалось ли ей. И тут увидела Егора.

– Ну где же ты! – закричала она с укором. – Почему тебя нет?

– Ты заблудилась? – спросил Егор.

Он был несказанно рад тому, что ничего плохого не случилось.

– Я пошла к нам, – сказала Люська. Она протянула руку и взяла его за пальцы. Ее рука была невесомой и пальцы такими тонкими, что страшно было ей сделать больно. – Дверь открыта, а дома никого. И вещи унесли. Кто унес вещи?

– Не знаю, – сказал Егор. – Какие-то вещи здесь остаются, другие исчезают. Разве нам с тобой понять?

– А что случилось? – На этот раз Люська спрашивала без упрямства, просто с интересом.

– Я тебе объяснял.

– Да, ты объяснял, – согласилась печально Люська. – Только я с самого начала не поняла, а теперь тем более не понимаю. Я бы обратно вернулась.

– А ты хочешь?

– Здесь так плохо.

– Здесь плохо, – согласился Егор.

– Куда мы пойдем?

– Ты устала?

– Нет, только хочу спрятаться. Может, в метро спрячемся и ты мне все расскажешь?

– Не надо в метро, – сказал Егор.

Если есть муравьи, подумал он, то могут быть и крысы. И всякие гады. Вернее всего, они таятся в темных местах. Так что лучше оставаться на свету.

Они вышли под аркой на проспект. Лишенный деревьев и снега, лишенный машин и людей, проспект стал невероятно широким и тоскливым. Казалось, что до домов на той стороне не добежишь.

– Скорей бы люди возвращались, – сказала Люська. – Если бы была золотая рыбка, я бы ее попросила, чтобы люди возвратились.

У закрытого железными ставнями коммерческого киоска возилась какая-то фигура. В руке у этого человека был лом. Человек был странно одет – в черное длинное пальто без одного рукава, вместо него был виден оранжевый рукав рубашки.

Волосы у человека были серыми, они окружали тусклым венчиком блестящую лысину.

– Пойдем отсюда, – сказал Егор.

– погоди, – возразила Люська. – Давай посмотрим, что он делать будет.

Человек ковырял ломом в замке ставня, поддел ее и с натугой рванул. Ставень страшно закрипел, замок отлетел и со звоном упал на тротуар.

Ставень открылся, и оказалось, что за стеклом палатки осталось немало бутылок.

Человек с размаху ударил ломом в стекло. Несколько бутылок вывалилось наружу. Человек подхватывал падающие бутылки. Одну сунул в карман пальто, вторую за пазуху. Третью держал в руке. Лом мешал ему, но человек с ним не расставался.

Теперь, когда он обернулся, можно было увидеть его лицо, мягкое, серое, как и волосы. Все в нем было обвислым – нижняя губа, нос, щеки.

Егор попытался закрыть собой Люську, но она вырвалась.

– Пыркин! – крикнула Люська. – Ты что здесь делаешь?

– Люська! – Пыркин обрадовался. – Ты меня помнишь, скворец?

Пыркин с трудом закинул лом на плечо. Егор заметил, что он бос, но ноги у него такие грязные, что не сразу сообразишь, ботинки это или пальцы наружу.

– Пыркин, – спросила Люська, – ты зачем хулиганишь?

– А я не хулиганю, – с достоинством ответил Пыркин. – Я делаю тщетную попытку. А кто с тобой?

– Это Егор, – сказала Люська. – Он меня в метро нашел. А что случилось?

– В каком смысле, скворец?

– Где все люди?

– Нету людей, – грустно произнес Пыркин, покачнувшись, лом вырвался у него из руки, скользнул по спине и грохнулся об асфальт. – Мы с тобой, Люська, оказались на том свете. Хотя есть и другие теории, с которыми ты имеешь возможность познакомиться.

– Пыркин раньше учителем был, – сообщила Люська, пропустившая мимо ушей сентенцию о том свете. – А потом спился.

– А собачку мою не видели? – спросил Пыркин. – Черная такая собачка Жулик. Может, сманили? Нелюди его не любят.

– Нет, не видели, – сказала Люська. – Не было у тебя никогда собачки.

– Это в той жизни не было, – сказал Пыркин.

– А он у нас во дворе жил, – сообщила Люська Егору. – В прошлом году пропал.

– В позапрошлом, – поправил ее Пыркин. – Под Новый год. Сегодня справляем вторую годовщину моего пребывания на том свете.

Егор понимал, что никакой это не тот свет. На том свете трубят ангелы и так далее. Это для религиозных людей. А Егор не был религиозным человеком.

– Точно, под Новый год, – согласилась Люська. – Его с милицией искали. Овчарку приводили, честное слово. Сама черная, а брюхо серое. Не веришь?

– А Жулик весь черный, – сказал Пыркин.

– Не нашли? – спросил Егор. Вопрос казался странным. Если он здесь, то, конечно же, не нашли. Но Егор спрашивал не зря. Ему интересно было узнать, не остается ли что-нибудь от человека в том, настоящем мире? А вдруг это и в самом деле царство мертвых? Тогда должны были найти труп Пыркина. А перед ними сейчас – его душа.

– Не нашли, – сказала Люська. – Мать говорила, что и хорошо, что пропал. Он как напьется, дикий становился, безумный.

– Вот это лишнее, скворец. Пыркин теперь – другой человек. И вы, молодой человек, не обращайте внимания на детский лепет. Людмила светлая, но замученная жизнью девочка. Не исключено, что мы имеем дело с генетическим дефектом, – заявил Пыркин.

– Какой еще дефект! – обиделась Люська.

– Ну что, вспомним старое? – спросил Пыркин и, поднеся к зубам бутылку водки «Русская», сорвал крышечку. Затем коротко и энергично взболтал водку и воткнул горлышко себе в рот, как будто кормил младенца детским питанием.

Голова Пыркина запрокинулась, кадык ходил по горлу, вот-вот разорвет кожу! Егор и Люська смотрели как замороженные. Водка в бутылке колыхалась, втягиваясь, как в воронку, в горлышко, и пропадала в Пыркине. Когда оставалось около половины, Пыркин вдруг оторвал горлышко от губ и, неловко замахнувшись, кинул бутылку. Она разбилась об асфальт, брызги стекла и жидкости разлетелись букетом, напомнив Егору, как прыгал из окна самоубийца.

– Чепуха, чепуха и всяческая чепуха! – закричал Пыркин, закашлялся и стал отплевываться. Это было неприятное зрелище.

Люська сказала:

– Пойдем отсюда, бог с ним. Алкоголик.

– Не уходите! – откашлялся Пыркин. – Я не пью вовсе. Это так, для памяти.

– Ничего себе память! А еще учителем был, – сказала Люська.

– Ничего ты не понимаешь, – ответил с чувством Пыркин. – Скорбь моя происходит оттого, что здесь нельзя насытить желудок и напоить мою голову. Здесь нельзя напиться, отключить мозги и забыть об ужасной своей судьбе. Понятно?

– Понятно, – сказала Люська, хотя не поняла.

– Эх, одно утешение, что вкус остался.

– Вы только из-за вкуса пьете? – спросил Егор.

– А ты попробуй, давай я тебе другую бутылку открою. Ты попробуй, внутрь проходит, а реакции никакой. Хоть ведро выпей. Дать попробовать?

– Егор, не смей и думать! – приказала Люська, опытная в обращении с пьяницами. – Это так начинают с глоточка, с рюмки. А потом вся жизнь будет поломанная.

– Не буду я пить. Видите, – сказал Егор, улыбнувшись, потому что его вдруг тронула забота Люськи.

– И правильно, – сказал Пыркин. – Мне больше останется.

Он громко засмеялся, хотя смеяться ему не хотелось.

Потом оборвал смех, и сразу стало тихо. Тишина напомнила, что они здесь одни.

– Ну пошли, что ли, – сказал Пыркин.

– Куда? – спросил Егор.

– Вам здесь оставаться нельзя. Сожрут, убьют, издеваться будут. Пошли к нам. На передовой пост империи.

– А вы там не пьянствуете? – спросила Люська.

– Объяснили же тебе! Рады бы пьянствовать, но водка на мозг не действует. Ну, пошли, пошли, а то кто-нибудь придет.

– Пошли, – сказала Люська и, взяв Егора за руку, потянула за собой.

Пыркин пошел впереди.

– Тут недалеко, – сказал он. – У речки живем. На Воробьевых горах, у речки.

– На Ленинских горах? – догадался Егор.

– Называй как знаешь. Может, они и Ленинские, если он с Огаревым тут клятву давал на верность народу.

– Нет, – попался на удочку Егор. – С Огаревым тут клятву давал Герцен.

– Точно, – хмыкнул Пыркин. – Ленин давал клятву с Троцким.

И громко засмеялся. Пыркин не умел иначе смеяться. Он смеялся, широко открыв рот, зубы наружу, щеки трясутся, нос болтается – ну как будто индюк смеется. Только очень ото-щавший индюк.

Пыркин наступил на стекло, подпрыгнул, задрал ногу и стоял на одной, выковыривая стекло из черной подошвы.

Они прошли мимо круглой громады нового цирка, некоторые стекла его были еще целы. Слева поднимался из пустыря университет, справа пошли причудливые здания Детского музыкального театра. Когда переходили улицу, Егор непроизвольно посмотрел налево.

– Нет здесь троллейбусов, – сказал Пыркин.

За бензозаправкой у Дома пионеров стояло несколько избушек. Еще одна деревня. Пыркин немного прихрамывал, горлышко бутылки высывалось из кармана пальто. Люська семенила рядом с ним. Егор чуть отстал и попытался прогнать это бредовое видение. Он зажмурился и сосчитал до десяти. Дальше считать не решился, чтобы не упасть. Открыл глаза, но ничего не пропало: на фоне серого неба шагали две фигуры. Впереди сутулый Пыркин в черном пальто, один рукав оранжевый, за ним в клетчатом пальтишке девочка Люська.

– Ты в каком классе учишься? – спросил Пыркин, не оборачиваясь.

– В девятом.

– Может быть, я тебе буду курс истории читать, – сказал Пыркин, – чтобы ты не отставал от программы. Мы тебе и физика найдем. Есть у нас один.

Егор пожал плечами – предложение звучало глупо.

– Меня называй Вениамином Сергеевичем, – сказал Пыркин. – Я не люблю, когда по фамилии называют старших, словно алкоголика какого-то.

– А здесь много людей? – спросил Егор.

– Есть люди, – ответил Пыркин.

– А вас с милицией искали, – почему-то повторила Люська. – Овчарку приводили.

– Слышал, слышал! – сказал Пыркин. По мере приближения к реке он становился трезвее и собраннее. – К сожалению, у меня сманили Жулика. Это была очень нужная собачка. В экспедиции никогда без Жулика не ходил. Жулик нелюдей чует.

– Кого?

– Увидишь, – сказал Пыркин. – Без них не обойдешься. Из-за них, скажу тебе, кроме меня, никто из наших в экспедицию не ходит.

Дорога нырнула вниз, прорезая обрыв к реке, но они пошли стороной, по голому крутому склону.

– Они поджидают у бывшего эскалатора, – сказал Пыркин. – Там и сидят.

– Объясните нам, кто такие и почему сидят, – попросил Егор.

– Некогда. Постараемся их обойти.

Он вынул из кармана бутылку, держа ее за горлышко как гранату.

– А нам что делать? – спросила Люська.

– Вам меня слушаться. Когда скажу бежать – бегите. Главное – прорваться к Москве-реке. Но если мы пройдем на цыпочках, может, обойдется.

Они спустились ниже, и тут, как назло, Люська раскашлялась.

– Молчи! – зашипел Пыркин. – Ты нас всех погубишь.

По закону подлости Люська просто заходилась в кашле.

– И зачем только я вас с собой взял! – воскликнул Пыркин.

За сухим одиноким деревом пробежала тень. Замерла, исчезла. Но Егор почувствовал, как тень смотрела на него.

– Все, – сказал Пыркин обреченно. – Нас обнаружили.

– Это фашисты? – спросила Люська, переводя дух.

– Это нелюди, – ответил Пыркин. – Хуже сионистов проклятых.

Такие слова в устах учителя, даже спившегося учителя, звучали необычно.

– Эх, Жулика нет. – Пыркин пошел вниз, размахивая бутылкой. – Держитесь ко мне ближе. Сейчас будем совершать бросок.

Они перевалили через незаметный пригорок, и перед ними открылась река. Слева она широкой серой лентой обходила стадион в Лужниках, справа был Метромост. У первой опоры Метромоста стояла голубая бытовка, оставленная рабочими.

– Хижину «Последний приют земледельца» видите? – Пыркин показал на бытовку. – Вот до нее нам и надо добежать. Это только кажется, что до нее недалеко, – бросок может растянуться на всю оставшуюся жизнь.

Пыркин кинулся вниз к реке, размахивая оранжевой рукой, мелькая черными пятками и подвывая, как обиженный щенок.

Это было похоже на детскую игру в войну.

Егор неслся следом, думая только о том, чтобы удержаться, не потерять равновесия и не покатиться кубарем под откос. Рядом бежала Люська. И вдруг этот полет прервался. Егор врезался в Люську, крепко схватил ее, чтобы обоим не свалиться дальше. Пыркин сидел на земле, поджав босые ноги и размахивая бутылкой.

– Долой! – кричал он. – Уничтожу, исчадия ада!

Призраки подкарауливали людей здесь, посреди спуска, когда некуда было деться. Наверх – сто метров, вниз – сто метров склона. А здесь площадка, по краям которой стоят три трухлявых пня.

Призраки были не настоящими и не театральными. Это были какие-то наброски, воспоминания о людях, клочки тумана, ошметки студня. Они стояли полукругом, и, хотя лиц у них не было, казалось, что призраки улыбаются.

Разглядев их, Люська уткнулась лицом в плечо Егора, чтобы их больше не видеть. Егор и сам был бы рад так сделать. Призраки вызывали первобытный животный ужас.

– На прорыв! – завопил Пыркин, метнул бутылку вперед, она раскололась на части, и земля вокруг сразу потемнела.

Призраки отшатнулись или отодвинулись на шаг, наверное, от неожиданности. И тут же опять шагнули к людям, еще ближе, чем раньше. От них шло электричество – уже кололо кончики пальцев.

Егор обнял Люську, которая старалась вжаться в него. Он искал разрыв между призраками, но путь назад был отрезан. Там уже скопились другие, они покачивались, сливались и делились, как амебы.

– Прощайте, товарищи! – крикнул нелепый Пыркин.

И тут сверху раздался звонкий, залихватский лай. Так лают только беспородные дворняжки – существа глупые и даже истеричные.

Комком черной шерсти сверху неся маленький лохматый пес.

Призраки раздались, рассыпали строй и стали превращаться в воздух, таять, как ночные льдинки в весенней воде.

Пыркин быстро пришел в себя.

– А я что говорил? – произнес он назидательно. – Подкрепление приходит в последний момент, когда на шею героя уже наброшена петля. Где тебя, сукин сын, носило?

Пес прыгал, крутился, умудрился сделать сальто, обнюхивал Люську. Поднялся на задние лапы и, бешено молотя хвостом, пытался дотянуться до руки Егора. Егор погладил пса, и тот пришел в полный восторг – завалился на спину, все четыре лапы в стороны.

– Жулик, забываешь, кто здесь твой хозяин и повелитель! – строго сказал Пыркин. Но Жулик не обременял себя такими проблемами. – По какой-то загадочной причине эти нелюди не выносят собачьего запаха, – пояснил Пыркин. – Почему, скажи мне?

– А кто они такие? – спросил Егор.

– Бог их знает. Неизвестное природное явление. А вернее всего – остатки людей, которые жили здесь, да все вышли.

– Куда вышли? – спросила Люська. Она так и не отпускала пальцев Егора.

Пыркин нагнулся, поднял комок земли, пропитанной водкой, размял в пальцах и понюхал.

– Что удивительно, – сказал он, – крайне удивительно... Запах остается. И вкус тоже. А насыщения организма не наблюдается.

Они стояли, не шли дальше, как будто набирались сил, чтобы продолжить путешествие.

– Здесь, – сказал Пыркин, продолжая нюхать комочек земли, – никто не умирает. Но люди постепенно изнашиваются. Говорят, что можно прожить тысячу лет. Есть тут один фараон, только его давно не видели. Так постепенно можно превратиться ни во что, но остаться молодым, что и ждет вас, мои дорогие друзья.

– А почему надо бояться нелюдей? – Люська не прислушивалась к рассуждениям.

– Они парализуют жертву электрическим зарядом, – сказал Пыркин. – А затем, по слухам, высасывают ее. Нуждаются в энергии. А так как энергия относительная, то насыщения не происходит... Ой, как выпить хочется. И захмелеть. Половину жизни отдал бы, чтобы захмелеть.

Пыркин пошел вниз. Егор с Люской спускались следом, держась за руки. Люська все оглядывалась, словно опасалась, не догонят ли их призраки. Жулик носился кругами, иногда начинал лаять, и его лай был приятен. Это был настоящий живой собачий голос.

Они вышли на асфальтовую дорожку, которая тянулась вдоль воды, отделенная от реки ажурной чугунной загородкой. Но там, где стояла бытовка, загородки не было – оттуда можно было спуститься к воде.

Пыркин прибавил шагу, как бродячий рыцарь при виде своего замка.

Жулик сбегал к временке, вернулся, проверил, все ли на месте, и убежал снова. Он был здесь свой и ничего не боялся.

Через две минуты они оказались на бетонной площадке. Перед ними стояла голубая бытовка, за ней скелетом шуки изгибался Метромост, который так и не успели отремонтировать.

– Эй! – крикнул Пыркин. Голос его вновь звучал уверенно. – Принимайте гостей.

Из временки вышла грузная женщина на слоновьих ногах.

В ней было столько жира и мяса, что свекольные щеки выпирали наружу, прижимая темные глазки. Плотные, туго завитые волосы покачивались над головой, словно девственный лес Амазонки, губы были накрашены ярким красным цветом. Одета была женщина в некую бесформенную хламиду из синего бархата, но главной ее особенностью было обилие золотых украшений. Егору показалось, что она вот-вот рухнет под тяжестью золотых и жемчужных ожерелий и браслетов, а колец на ее толстых пальцах было столько, что самих пальцев не было видно – лишь их кончики с красными ногтями высывались из золотых футляров.

Из-под платья виднелись синие шаровары, какие любят носить в домах отдыха пенсионеры – Егор как-то навещал дедушку в Барвихе. Туфли были тоже золотыми, с загнутыми носками, как у красавицы из мусульманского гарема.

– Гляди-ка, – произнесла женщина басом. – Молодежь явилась не запылилась.

Из-за спины женщины выглянуло низкое и широкое в плечах существо ростом с Люську, но пожилое.

– Давно пора, – сказала существо. – Нам нужна свежая кровь.

Существо было облачено в черные брюки и черный фрак – наверное, так одевались могильщики и гробовщики.

Оно вынуло руку из-за спины. В руке был черный, блестящий, правда, погнутый цилиндр. Существо надело цилиндр, видно рассчитывая, что станет выше ростом.

– Подходите, не стесняйтесь, – сказала толстуха. – Чего уж, мы с вами одна семья.

– Это Люська Тихонова, – сообщил Пыркин, не скрывая радости. – Представляешь, соседка по дому. Надо же, такое совпадение.

– У тебя все время совпадения, – проворчало существо в цилиндре. – Мне приятно встретиться с новыми добровольцами. Как тебя зовут, корнет?

Человек глядел на Егора стеклянными бешеными глазами. И хоть был на голову ниже его, показался Егору высоким и имеющим право приказывать.

– Егор!

– Фамилия, спрашиваю!

– Чехонин.

– Неправильно! Еще раз!

– Егор Чехонин. Георгий Артурович Чехонин.

– Из дворян?

– Кончай, Партизан, дети проголодались с дороги. – Толстая женщина отодвинула его, зазвенели браслеты. – Сейчас чай будем пить. Вениамин, – обернулась она к Пыркину. – Вы не возьмете на себя эту задачу?

– С удовольствием, Марфута, – ответил Пыркин. И уничижительное имя прозвучало в его устах уважительно, почти подобострастно.

– А ты выпить принес? – спросила Марфута.

– В некотором смысле одна сохранилась.

Пыркин вытащил из-за пазухи последнюю бутылку водки.

– Пришлось от нелюдей отбиваться. Жулик спас.

– Да, – произнес Партизан. Непонятно было – с маленькой буквы его произносить или с большой. – Теряем людей. Ты за Жуликом лучше смотри, сведут его у тебя.

– Ты точно знаешь? – спросил Пыркин.

– Сейчас только что проезжал самокатчик из дворца, – сказала Марфута. – Узнавал, не держим ли мы животных. Я спросила, каких животных он имеет в виду. Есть указание, говорит, привезти на Киевский собаку. Очень они ее там хотят испытать. Сюда, говорят, только люди попадают. А животные не попадают.

Жулик словно почувствовал, что речь идет о нем, подбежал к Пыркину и улегся у него в ногах.

– Не попадают, не попадают, – проворчал Пыркин. – Неужели хуже людей? Неужели у него тоже не бывает чувства полной безысходности, когда тебя никто не любит и все хотят на живодерню отдать?

Пыркин пошел в дом, а Жулик затрусил за ним, что вызвало реплику Партизана:

– Собакам не место в доме.

– Помолчал бы! – огрызнулся Пыркин.

– Пока что я руковожу нашим небольшим коллективом, – сказал Партизан.

Егор спросил Люську:

– Ты есть хочешь?

Спросил, потому что вспомнил, как сам он был голоден совсем недавно, новогодней ночью.

– Не знаю, – ответила Люська. – Погляди.

Между бытовкой и рекой на площадке грудой лежали цилиндры, шляпы, фуражки, каски и кепки.

Марфута перехватила взгляд Люски и ответила за Егора:

– Это Партизан собирает. Ему все носят. Он по размеру ищет и по форме. У него голова как груша.

И Марфута засмеялась, оставив Егора в недоумении, шутит она или нет.

– А почему он Партизан? – спросила Люська.

– Пускай сам скажет.

– Пожалуйста, я готов, – ответил Партизан. Он уселся на стул с рваным мягким сиденьем, что стоял, прислоненный спинкой к голубой стенке бытовки.

Изнутри зазвенело.

– Пыркин опять чашку разбил. На него не напасешься, – сказала Марфута. – У него руки дрожат от алкоголизма. Алкоголизма не осталось, а руки дрожат.

– А ты бутылку в холодильник поставила? – спросил Партизан.

– Поставила, поставила, рассказывай, дети ждут.

У Егора возникали все новые и новые вопросы. Страх не было – попал в незнакомую взрослую компанию, как в гости. Страх рождается от одиночества или непонятной угрозы. А здесь все было мирно, даже безмятежно.

Конечно, эта безмятежность была ненастоящей, но лучше она, чем велосипедисты.

– Моя биография укладывается в пять строк, – сказал Партизан. – Я был поручиком Ингерманландского полка. Слыхали о таком? Не слыхали, не важно. Теперь мало кто помнит. А у нашего полка была славная история. Во время Первой мировой войны.

– Партизан, не надо подробностей. Подробности, дай бог, потом расскажешь. Ты суть дела.

– Марфута. Я могу и замолчать. Если ты все знаешь лучше меня.

Личико Партизана густо покраснело. И это было особенно странно, потому что у всех здесь, то ли от малокровия, то ли от освещения, лица казались серовато-тусклыми. А глаза блестели, как у больных.

– Говори, говори. – Марфута пошла, тяжело ступая, в бытовку, и от ее шагов домик задрожал.

– Во время Гражданской войны, – произнес Партизан, – мое подразделение действовало в тылу у красных частей. Меня боялся сам Троцкий. Белые партизаны поручика Веснина! Мы пленных не брали! Славное время, залетная песнь! А потом меня схватили. Повязали. Затащили в подвал. И я попал в лапы к совдеповскому профессору, который научился уменьшать людей. Вы поверите, что до плена во мне было две сажени роста? Я ведь Гейдельберг кончал! Этот Фридрих Иванович Мольтке производил опыты над пленными. За три недели он уменьшил меня вдвое.

– Но зачем? – удивился Егор.

– Троцкий приказал сделать специальную команду разведчиков, шпионов, которые не занимают много места и могут быть переправлены за границу в дамских ридикюлях. Разведчиков, которые могут протиснуться в щель под дверью! Они хотели заполнить Европу неуловимыми шпионами. И я стал лабораторной мышкой...

– Чай готов! – закричала изнутри Марфута.

– Идем! – откликнулся Партизан.

Он замер и стал присматриваться к дальнему берегу реки, где, словно гигантская банка из-под шпрот, возвышался стадион. Что-то блеснуло у самой воды.

– Марфута, – позвал Партизан, – высматривают. От стадиона.

– Этого следовало ожидать, – откликнулась изнутри бытовки Марфута.

Но вышла не она, а Пыркин. Он тоже посмотрел на тот берег. Если приглядеться, можно было различить махонькие человеческие фигурки, сидящие у воды.

– И как они только узнают! – воскликнул партизан Веснин, приложив ладонь козырьком ко лбу. – Неужели правда, что нелюди им докладывают?

– Как они доложат? – крикнула из домика Марфута. – Если у них ртов нема.

Марфута говорила мягко, как говорят на юге, порой неправильно ставила ударения.

– Бог с ними, спрячем детишек, – сказал Пыркин.

– А что случилось? Кто они? – спросил Егор.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – ответила Марфута.

– Не все сразу, – поддержал ее Партизан, поднимаясь. Он взял стул с собой, прижал к груди и понес в бытовку. Стул был с него размером. Несчастный человек, если он говорит правду. Он был в две сажени ростом, а стал почти карликом.

Внутри был стол, покрытый клеенкой. На нем стояло четыре чашки и стакан с отбитым краем. Посреди стола возвышался сверкающий начищенный чайник, на блюдечках лежали сухарики и печенье.

Марфута уселась во главе стола.

Партизан поставил свой стул, прыгнул на него с ногами и сел на корточки. Привычно, видно, каждый день так садился.

– Сначала по маленькой? – спросил Пыркин. – С приездом.

– Мне в чашку, – сказала Марфута, будто был какой-то выбор.

– Я сегодня не пью, – сказал Партизан.

Пыркин налил себе и Марфуте. Егор вспомнил, как Пыркин пил водку там, возле метро. И жаловался, что водка на него не действует.

Марфута стала разливать из чайника воду по чашкам. Вода была совершенно чистая, бесцветная. Вода из-под крана, и все тут.

– У нас плохо с огнем, – сказала Марфута гостям. – Огонь здесь горит плохо, да и мало горючих материалов. Так что чай пьем негорячий. Вы уж не обижайтесь. Вода зато у нас хорошая, родниковая, из Москвы-реки. Промышленности нет, загрязнения никакого. Пейте, не бойтесь.

Егор отхлебнул из чашки. В ней была холодная вода.

– Берите печенье, дети, – сказала Марфута. – Печенье хорошее, фабрики «Большевичка». Сама из фирменного киоска брала.

– Это не чай, – сказала Люська. – А чаю нет?

– Другого для тебя не приготовили, – проворчал Пыркин. – Что сами пьем, то и тебе предлагаем. А если водки хочешь, прошу – пожалуйста, присоединяйся.

– Я не пью и тебе не советую, – сказала Люська. – Известно, чем это кончается.

– Пей не пей – конец один, – ответил Пыркин и поднес стакан к губам. Затем запрокинул голову и плеснул в открытый рот.

– Ну, с богом, – сказала Марфута. И тоже стала пить. Но маленькими глоточками, морщась, фыркая и наслаждаясь вкусом водки.

– Не бойся, – сказал Партизан. – Опыянения не наступит. Проверено.

– Знаю, – сказал Егор.

– А зачем пить тогда? – спросила Люська.

– А затем, чтобы вкус ощутить, – сказал Партизан. – Можно, я вам свою историю доскажу?

– Конечно, – сказал Егор.

– Мне удалось убежать от Фридриха Мольтке. И случилось это под новый, 1920 год. Я мчался как зверушка. Ведь я привык большим быть, а меня уже вдвое успели уменьшить. И стали меня настигать! И деваться некуда. Но лучше смерть, чем судьба в руках большевиков. «Нет! – закричал я себе. – Я хочу умереть!» Но пробило двенадцать часов, и я оказался здесь. И было это более семидесяти лет назад.

Партизан отхлебнул воды из чашки, стал хрустеть сухариком, потом кинул сухарик на пол, спрыгнул со стула и, рыдая, пошел наружу.

– Что с ним? – спросила Люська.

– Трагедия у него, – ответил Пыркин серьезно. – Он там полюбил одну девушку. Великую княжну Евдокию.

– Семнадцати лет, – вставила Марфута.

– Семнадцати лет. Она тоже была в лапах этого Фридриха. Но ею занимались раньше. И когда он увидел ее в день побега, пробравшись с риском для жизни в женское отделение, он увидел существо ростом с кошку. Это была его возлюбленная. До сих пор он не может пережить.

– Любовь, – объяснила Марфута, – не терпит компромиссов.

Поверить в эту историю было нелегко, но окружающие говорили об экспериментах зловещего Фридриха как о само собой разумеющемся. И уловив сомнения Егора, Марфута подтвердила:

– Здесь много необъяснимого. Я сама иногда теряюсь.

– Но это же было у нас! – возразил Егор. – Давно и у нас, а он все равно такой же.

– Глупости, присмотришься, – велела Марфута.

Егор присмотрелся. Партизан, как бы желая ему помочь, снял цилиндр. Волосы у него были длинные, седые, редкие. Лицо молодое, почти юношеское. Глаза оловянные. Все остальное досталось Партизану от древнего старика.

– Вы с какого года? – спросил Егор.

– Я на десять лет старше века, – ответил Партизан.

– Вам сто лет?

– Чуть больше. Но я неплохо сохранился. – И Партизан засмеялся легко и беззаботно. – И пока не сойду с ума или не попадусь к бандитам, буду так же хорош, весел и рассудителен.

– Милый мальчик, ты пей воду, пей, – сказала Марфута. – Здесь организму не требуется пища. Ты можешь, конечно, поесть, и желудок у тебя работает, но еды не требуется. А вода

нужна. Наши с тобой организмы беспрерывно выделяют пар и пот. Вода очень нужна. И не важно, какой это чай, от воды не отказывайся.

Марфута была ласковая, заботливая, как родная тетя, к которой ты приехал на дачу. Люська послушно отпила из чашки. Но ей пока пить не хотелось. Егор поблагодарил Марфуту, но тоже пить не стал.

– Кто не пьет, быстрее стареет, – сказала Марфута.

– А здесь стареют по-разному? – Этот вопрос давно крутился в голове Егора. Ответ на него был не так уж и важен. Егор решил для себя, что он отсюда выберется. Не останется в этом глупом мире. Но для того, чтобы уйти, важно было понять. Ведь Егор многого не понимал до сих пор. Даже куда попал – не понимал, что это за мир людей, которые в новогодний час, в новогоднюю минуту мысленно отказались идти в новый год с остальными людьми. Мир беглецов? Это, очевидно, будет лишь самый первый, поверхностный ответ. А суть-то, наверное, глубже. И нужно задать правильный вопрос.

– Здесь никто не стареет, – ответил Партизан. – Безусловно.

Пыркин слил в стакан оставшуюся водку. Спросил:

– Никто мне компанию не составит?

Когда никто не ответил, он выпил стакан и сказал:

– Люди стареют, как стулья. Стул бывает новый, а потом разваливается. Он неодушевленный. Так и мы – стулья.

– Стулья! – засмеялся Партизан. – Из красного дерева.

«А сколько вам лет?» – хотел спросить Марфуту Егор. Но у женщины спрашивать об этом неприлично.

Вдруг он увидел себя со стороны в бытовке, тускло освещенной светом из двух маленьких окошек, сидят за шатучим столом несколько человек и пьют холодную воду из чайника.

– Сухарика еще хочешь? – спросила Марфута.

– Не хочу! – вырвалось у Егора. – Ничего не хочу! Я домой хочу.

– А вот домой, к папе и мамочке, у нас дороги нет, – сказала Марфута. – Многие бы желали, но не получается.

– Ты не права, Марфута, – сказал Партизан. – Говорят, что были отдельные попытки.

– Удачные? – спросил Егор.

– Молодой человек, вы попали сюда по своей воле. И притом по сильной воле. У вас просто не было другого выхода. Только отчаяние. Да, именно отчаяние вы оставили за своей спиной. Вы спаслись от отчаяния, приехали к нам, мы довольны, что вы нам свежие московские новости будете рассказывать, но вам вдруг захотелось обратно. Да если б это было возможно, люди начали бы шастать между нашими действительностями. И к чему бы это привело?

– К полному разрушению обоих миров, – ответил Пыркин. – Исторически это нам известно. Слияние двух цивилизаций всегда приводит к гибели одной из них. Дружбы народов, как и дружбы галактических цивилизаций, пока не отмечено. Но, скажу я вам, мне досталась плохая, ядовитая и, может, даже отравленная водка.

– Что любопытно, – заметил Партизан, – здесь отравиться нельзя. Как я понимаю, происходит нарушение связей в организме. Но вырвать может.

– Только не меня! – сказал бывший учитель.

– А здесь много людей? – спросил Егор. Он задавал вопросы вроде бы и правильные, но, как сам понимал, не главные. Но не знал, где же главные вопросы и знает ли кто-нибудь ответы на них. В голове постепенно воцарялась экзаменационная тупость, когда нет ни одной мысли и совершенно все равно, что поставит тебе учитель.

– У нас раньше людей больше было. Но многих нелюди затравили. Это же ужас какой-то, живем, словно на границе, – сказала Марфута.

– А за рекой Афганистан, – сказал Пыркин.

– При чем тут Афганистан! – отмахнулась Марфута.

– Ты не знаешь по возрасту, – ответил Пыркин. – Афганистан сложился уже после твоего отбытия сюда.

– Вот когда они нам не нужны, – сказал Партизан, – то они тут как тут. Крутятся, требуют отдать собачку. А когда нас уничтожают, как котят, то их не дозовешься.

– А если я сейчас захочу умереть? – громко спросил Егор. – Если сейчас захочу, чтобы не ждать, как гнилой стул? Что мне надо сделать?

– Можно, – сказал Пыркин. – Это именуется самоубийством и не поощряется. Грех это.

Егор вспомнил самоубийцу у метро. Но что-то заставило его промолчать о нем. Может, самому было страшно вспоминать.

– Человеку это несвойственно, – сказала Марфута. – Мы же все большие жизнелюбы.

– А как отсюда уйти?

– Егорушка, – сказал Партизан, – ты об этом спрашивал. Ты думаешь, что уйдешь и все станет на свои места? Ничего подобного! Тебе там места нет.

– Почему?

– Знающие люди говорят, – ответил Партизан, – что наши места в первом мире тут же занимают наши двойники. То есть, другими словами, мы сюда и не переходим, а переходит лишь...

– Лишь субстанция, – сказал Пыркин. – Как бы духовная эманация личности. Этот вопрос интересен, потому что тогда возникает закономерный вопрос: а не в раю ли мы с тобой? И скорее всего, я допускаю, что именно генетическое воспоминание о существовании нашего мира, о дублировании миров и послужило основанием для легенды об аде и рае.

– И тогда у нас рай, – сказал Партизан. Сказал ядовито, с издевкой. Конечно же, он так не думал.

– Тем не менее, – сказала Марфута, – у нас с вами большой праздник. Сегодня – Новый год. И это большой юбилей для каждого из нас. Именно в эту ночь мы пришли сюда, чтобы навеки поселиться в мире, где нет зависти, оскорблений, унижений и гонений. Да здравствует свобода! Как жаль, Пыркин, что ты не взял с собой шампанского.

– Только деньги тратить, – презрительно ответил Пыркин.

Никто не засмеялся.

– А когда ночь будет? – вдруг спросила Люська.

– Ночи, моя красавица, здесь не бывает, – сказала Марфута. – Здесь всегда так.

– А когда же спать? – спросила Люська.

Марфута переглянулась с Партизаном. Ответил Пыркин:

– Ты, конечно, можешь подумать, что мы уроды и даже привидения. В таком случае отвечу: от такой же и слышу. Но самое печальное в том, что здесь можно не спать. Правда, можно себя уговорить, особенно если устанешь или перенервничаешь. Но проспишь немножко – и вскочил. Проснулся, и ничего, блин, не изменилось. Партизан фуражки меняет, а Марфута пасьянс раскладывает. Тьфу ты!

– Вениамин прав, – сказала Марфута. – Как вы уже догадались, времени у нас нету. Попался бы преподаватель хороший, я бы за пятьдесят лет сто языков выучила. Пошла бы по всему миру, из страны в страну, всюду бы людей встречала, беседовала с ними. Давно собираюсь на Эйфелеву башню поглядеть. Ты не видал?

– Нет, не видал, – признался Егор.

– И мы с генералом в Отечественную не дошли. Немного не дошли. Берлин взяли, а мой генерал говорит – теперь, говорит, Сталин даст приказ, и будем мы брать Париж малой кровью. Но, к сожалению, наступил праздник Победы, и не побывала я в Париже. Думала я тогда: выйду замуж за генерала, поедem с ним в Париж как почетные гости...

– Марфута была боевой подругой, – пояснил Партизан. – Мы таких, как она, понимали, но не уважали.

– Всю войну, – подтвердила Марфута, – не отходила. Раны перевязывала, самогоном отпаивала, на руках от поля боя до «Виллиса» носила. На Новый, 1946 победный год стояли мы тогда в стратегическом резерве главнокомандующего в Польше на случай обострения. Пошла я в парикмахерскую, чтобы маникюр сделать, краковская была там парикмахерская, но маникюр хорошо делали. Платье на мне гражданское было, трофейное, из крепдешина, пальто на заказ, а он ждал меня на торжественный ужин. Я прихожу без пятнадцати двенадцать, как сейчас помню, меня его денщик Эдик встречает, с такой гадкой улыбкой. К генералу, говорит, нельзя. У них сурприз. Какой еще сурприз? А такой, что приехала к нему его супруга Мария Тихоновна с их сыном Матвеем... Так что генерал Василий Федорович делает вид, что праздник готовил к приезду жены, а мои шмотки, какие дома были, покидал в заднее окно, а офицерские жены их разобрали. Ах! Если бы вы знали, как гадко он смотрел на меня! Это за то, что я раньше отвергла все его притязания. Я вышла. Путь один – кидайся в реку Вислу, но даже смерти не хотелось. Главное, не хотелось жить на одной земле вместе с ним. Он же обещал мне жениться, говорил, что как только первая возможность – развод. Понимаешь?

Она взмахнула толстыми руками, и зазвенели браслеты. Егор увидел ее иначе, чем до рассказа. Это была пышная, курчавая, чернокудрая, страстная женщина. Егор мысленно употребил эти слова, хотя они были книжными и в жизни Егор их никогда не употреблял.

– Со Старым годом! – воскликнула Марфута, поднимая свою недопитую чашку с водкой. – За Родину! За Сталина! За Победу!

– Совсем рехнулась старая, – сказал Пыркин. – Пойду погляжу, как на том берегу, продолжают наблюдение?

Он взял с полки бинокль. Егор тоже поднялся.

– Я с вами, – произнес он.

Он услышал, как за спиной Марфута сказала:

– Вот тебе, Людмила, новогодний подарок. Сережки из чистого золота с малахитом. Носи от моего имени.

– У меня уши непроколотые, – ответила Люська.

Пыркин стал смотреть в бинокль на тот берег, не обращая внимания на гостей, которые появились на набережной.

Плотная сутулая девушка с длинными черными волосами, в бесформенном сером платье с накладными карманами и в шлепанцах, толкала перед собой инвалидное кресло, в котором обвисло сидел толстый юноша со спутанными длинными жирными космами.

– Кто это? – спросил Егор.

– Не обращай внимания, – сказал Пыркин. – Психи разного рода. Здесь кого только нет. Это скоро кончится.

– Кончится? Как стулья?

– Да. Как стулья. Соня Рабинова, я с ней знаком, хорошая была девушка, ее хотели на вокзал взять, но она объяснила, что попала сюда из-за сифилиса. Представляешь, ее завкафедрой заразил. Здесь она этого нашла... идиот, идиот, а ведь тоже сюда захотел. Тоже ему дома, видите ли, плохо было. Вот она его и возит. Искушает свои грехи.

Марфута услышала этот разговор, вышла из бытовки и крикнула длинноволосой девушке:

– Сонька, заходи к нам, мы Новый год провожаем.

– Нет, спасибо, – ответила девушка. – Это развлечение не для нас.

– Откуда тебе знать? – сказал Пыркин. – Может, твой идиот желает с нами выпить водки?

– Нет, я знаю, он не пьет, – ответила девушка. – Он думает.

Здесь есть вокзал, подумал Егор. И есть Париж. Значит, здесь не кусочек Земли, а целая планета. Наверное, здесь много людей.

Он встретился взглядом с идиотом. Глаза смотрели сосредоточенно и остро. Шевельнулись толстые мокрые губы, шепча что-то. Егор испугался, потому что понял притворство юноши. И тут же его взгляд погас.

Сердце Егора сжалось. По набережной не спеша ехал велосипедист. Может быть, здесь один велосипедист, а может быть, их много, но они одинаково одеты.

– Смотри! – сказал он Пыркину. Пыркин быстро обернулся. Велосипедист уже подъезжал к ним.

Тот же велосипедист. В черном блестящем плаще, в пожарной каске, надвинутой на уши, и в черных очках, отчего его лицо казалось маленьким.

– Эй, Марфута! – крикнул он. – Подержи велосипед.

– Я сам, сам, – отозвался Пыркин.

Он сбежал по ступенькам и затрусил к велосипеду.

– Марфута, – сказал велосипедист, – я тобой недоволен. Неужели все еще генералу верность хранишь?

– Храню, – ответила Марфута.

– А ведь я тебя в Париж отвезти могу, – сказал велосипедист.

– Кишка тонка, – сказала Марфута.

Велосипедист сошел с велосипеда. Пыркин держал машину, как боевого коня, за сиденье. Переднее колесо было с него ростом.

– Показывай, какого полку у вас прибыло, – спросил велосипедист.

– Малолетки, – сказала Марфута.

Из бытовки вышел и Партизан.

– Я бы завтра с докладом пришел, – сказал он.

– Велели сегодня. Есть мнение, что вы заманили к себе чужих людей.

– Это еще почему? – обиделся Партизан. – Они же добровольно.

– Не скажи, – возразил велосипедист. – Я этого парнишку наверху видел у метро. Видел я тебя?

– Не знаю, – сказал Егор. – Вас же угадать нельзя.

– Дурак, меня угадать надо обязательно. Я же исполнитель.

Велосипедист обернулся к Партизану:

– Документы должны быть в порядке.

– Послушай, Грымза, глаза твои пустые, – сказала Марфута. – У прокаженных не спрашивают билетов на бал.

– Ты не намекай, – ответил велосипедист. – Все должно быть путем. Их должны в книгу занести. А где вторая персона?

– Люська, выходи, – сказал Пыркин. – Власти желают сделать с тебя фотографию.

– Значит, ты... – Велосипедист откинул полу плаща. Мешка с головой под плащом не было. – Ты будешь у нас Георгий Артурович Чехонин, возраст шестнадцать лет...

Странно было это слышать. Значит, о нем все известно?

Вышла Люська. Она явно боялась велосипедиста.

Велосипедист записал данные Егора, кое о чем спросив его для уточнения. Потом обратился к ней:

– Тихонова, Людмила Георгиевна. Двенадцать лет. Порядок должен быть во всем.

Записав, он спросил у Партизана:

– Значит, оставляете их при себе?

– Конечно, – сказал Партизан. – У меня совсем людей не осталось.

– Да, ты прав, – согласился велосипедист. – Нельзя форпосты оголять. Может, тебе еще людей подошлют. Но если подошлют, считай, что молодежь отберут. Сам понимаешь, молодежь к нам редко попадает, молодежь на вокзале требуется. Император невесту ищет. А так чего нового?

– Там вон, за рекой, – сказал Пыркин. – Наблюдают.

– Чего ж ты сразу не сказал! – рассердился велосипедист. – Это же главное, чем ваш Новый год. Сколько их там?

– Двое с биноклем, – сказал Пыркин.

– Вот это я доложу.

Он взобрался на велосипед и медленно поехал по набережной, глядя на тот берег, видно, надеялся увидеть наблюдателей.

– А на том берегу кто был? – спросил Егор.

– Плохие люди, – сказала Марфута.

– Плохие люди, – повторила Люська. – Это же надо – всюду плохие люди.

– От этого никуда не денешься, – добавила Марфута. – Куда ни кинь, всюду встречаются фашисты. Не добились мы их.

– Я не знаю о фашистах, – возразил Партизан. – Не было в мое время фашистов. Но для меня есть большевики, порождение темных сил. Ох, сколько я их пострелял!

– А потом пошел на службу фашистам! – сказала Марфута.

– Я сюда пошел на службу.

– А если бы не сюда, наверняка бы ушел к фашистам, как генерал Власов!

– Вот так они каждый день, – сказал Егору Пыркин. – Не понимают, что все это – история, материал для изучения. Но, к сожалению, человечество совершенно не умеет извлекать уроков из прошлого. Через десять лет сюда завалится новенький и удивится, кто такой президент Буш.

– А кто это такой? – спросила Люська.

– Вот видишь!

Война между Партизаном и Марфутой между тем утихала. Марфута вспоминала о Сталинграде, а Партизан обвинял Троцкого в расстрелах и зверствах. Марфута торжественно объявила, что Троцкого убрали. Потому что он был фашистским шпионом...

Егору и на самом деле было неинтересно, о чем собачатся привидения. Он думал о том, что, наверное, на настоящей Земле появился второй Егор, пришел домой и сейчас спит, не вспоминая о магнитофоне. «А если это и не так – все равно мы привидения. Они старые привидения, а мы с Люской новые привидения. Глупо». Вот Егор всегда хотел стать археологом, находить забытые цивилизации, спасти их от забвения. Серега, который еще не решил, кем станет, смеялся над Егором за то, что тот хочет копаться в старых могилах, – это не занятие для человека XXI века. Ничего Серега не понимал – археология самая оптимистическая из наук. Она спасает память человечества. Егор много читал исторических книг и записок археологов. Знаете ли вы, какое счастье – заглянуть в гробницу Тутанхамона, которую пощадили древние грабители? Понимаете ли, что значит развернуть берестяную грамоту и увидеть слова, написанные тысячу лет назад, – детские каракули или приглашение на свидание. «Ничего ты, Серега, не понимаешь». А тот отвечает: «Ты, Егор, готовишься в охотники за привидениями». Вот почему Егор вспомнил Серегу. Ведь история не может остановиться.

– Что Марфута имеет в виду под плохими людьми? – спросил Егор.

– Каждое общество, даже общество призраков, – рука Пыркина дернулась в направлении откоса, где на них напали призраки, – даже общество призраков стремится к организации. Таким образом оно защищает себя. Понимаешь?

– Понимаю, проходили, – сказал Егор.

– Некоторые проходили, а другие самый нужный урок проспали. Продолжаю: каждое общество за пределами первобытной стаи делится на вождей, воинов и землепашцев. Одни

командуют, другие защищают или нападают, третьи обеспечивают прибавочный продукт. Так и здесь. Это еще до меня случилось. Может, тысячу лет назад...

– А давно этот мир существует?

– Не перебивай преподавателя. Мир этот существует неведомо с каких пор. Здесь нет часов и даже солнца и небесных тел, которые помогают понять время. Вижу в твоих глазенках очередной вопрос и спешу удовлетворить твое любопытство. Здесь времени нет. Нет минут, часов и даже самой жизни. Но ты можешь договориться со мной, что песок высыпается вниз, допустим, за десять минут. Мы и пользуемся таким счетом. Можешь услышать: «Приду через один песок» или «Приду через три песка». У нас тоже есть, я из аптеки унес – страшный дефицит.

– Значит, никто не знает, сколько он прожил?

– Есть другой способ мерить время. Не догадываешься какой?

– Догадываюсь, – сказал Егор. – По нам.

– Правильно. Вот прибыл сюда Партизан. А мы с тобой знаем, что события, которые его погубили, произошли больше семидесяти лет назад. Вот тебе и точка отсчета.

– А как ваше общество организовано?

– Хватит! Это напряжение невыносимо для моей головы. Поживешь здесь, узнаешь.

– Я не хочу здесь жить.

– Все мы прошли этот этап, – сказала Марфута.

Люська уверенно заявила:

– Мы с Егором уйдем.

– Ну ладно, чего маленьких обижать, – вздохнула Марфута. – Пускай поищут.

– Чего поищем? – не понял Егор.

– Выхода отсюда поищите. А выхода нет!

– Как вошли, так и выйдем! – крикнула Люська. – Нам с вами не нравится.

– Вот в этом и заключается твоя методологическая ошибка, – произнес Пыркин. – Откуда ты ушла в ночь под Новый год? Момент прорыва сюда – это момент во времени, а не в пространстве. Ты следишь за моей мыслью?

– Слежу, – растерянно сказала Люська.

Пыркин повернулся к Егору. Он больше надеялся на его понимание.

– Ты уходишь сюда в определенное мгновение и попадаешь в мир, в котором нет мгновений.

– Вот именно! – сказал Партизан. – Мгновенье, ты прекрасно!

«Они ненастоящие, – подумал Егор. – Беззаботные, как микробы».

– А раз здесь нет мгновений, то здесь и не может быть Нового года. Скажи, пожалуйста, где же то мгновение, в которое ты собираешься вернуться?

– Я его найду, – сказал Егор.

– Тогда мой тебе совет, – сказал Пыркин. – Ищи не мгновение, а точку в пространстве. Мысли философски. Понимаешь, что это такое?

– Спасибо, постараюсь, – сказал Егор.

Марфута потянулась, зазвенели золотые браслеты и ожерелья. Гигантская грудь издала глубокий звук, словно пустая бочка.

– И охота вам, хлопчики, время впустую тратить, – сказала она. – Ой, доля моя бабья! Где ты, мой генерал, запропастился! Верно, от старости помер. Поехал бы сюда со мной, до сих пор был бы живой. Знаешь что, Партизан? Вот откроют когда-нибудь сообщение между нашими мирами. И будут сюда путевки продавать. Для достойных людей. Как мой генерал.

– Ох и набегит сюда жулья! – вздохнул Пыркин.

– Не скажи! Сюда путевки ВЦСПС будет распространять. Передовикам труда и классовых битв, – возразила Марфута.

- А знаешь ли ты, что на вокзале сама Крупская живет!
- Помолчи, дурень!
- А кто такая Крупская? – спросил Партизан.
- Это вдова, – сказал Пыркин. – А чья – не скажем. Не дорос ты еще.
- Если не скажете, значит, вдова Троцкого, – догадался Партизан.

И хоть Егору не очень приятно было слышать, как говорят о жене товарища Ленина, в глубине души он понимал, насколько все во времени относительно. И кто вспомнит о нас через пятьсот лет? И кто мог знать о нас всего пятьдесят лет назад?

- Внимание! – сказал Пыркин. – Смотрите на тот берег.
- Вижу, – сказала Марфута.
- Принимаем меры! – Партизан кинулся внутрь бытовки.

Егор посмотрел на реку и увидел, как от дальнего берега отчаливает лодка. В ней сидят несколько человек.

Из бытовки доносился шум. Егор заглянул внутрь через окно. Партизан, сменив цилиндр на военную фуражку, дергал за гирию, висевшую у дальней стены. Провод, к которому была прикреплена гирия, выходил наружу над головой Егора. Провод дергался. Егор проследил, куда он идет. Провисая, провод тянулся к кривому столбу и уходил дальше вдоль берега.

«Странно, – почему-то подумал Егор. – В этом мире есть миллион пустых квартир и даже дворцов. Занимай – не хочу. Но люди сбиваются в кучки в каких-то жалких бытовках. То ли потому, что им ничего не нужно, то ли потому, что в большом городе страшно и одиноко. Скорее им ничего не нужно. Ведь если человек чего-то добивается, он спешит или считает минуты, он смотрит, как растут дети и как умирают старики. А здесь – какой смысл во дворце, если ты можешь занять десять дворцов? И все пыльные. И будешь изнашиваться вместе с дворцом, как старый стул».

Партизан вышел из бытовки.

- Я подал сигнал, – сказал он. – Будем сопротивляться или как?
- Я бы убежал, – сказал Пыркин, – да Марфута плохо бегают.
- Я вообще не бегаю, – сказала женщина. – Мне стыдно бегать.
- Тогда оставайся, – сказал Партизан. – А мы спрячемся.
- Меня нельзя бросать, мальчики! – испугалась Марфута. – А если бросите, я им сразу скажу, где вы спрятались.
- Тогда беги! – велел Партизан.

Странно – они боялись. Они очень боялись лодки, которая медленно двигалась через реку. Значит, на самом-то деле они держатся за это подобие жизни, как человек в тюрьме или в яме все равно старается выжить.

- А что они нам сделают? – спросил Егор.
- Тебе хорошо, – огрызнулась Марфута, – тебя они не догонят. А меня догонят.
- Это изверги, – сказал Пыркин. – Побегали, что ли?

Марфута возилась в бытовке, собирая вещи.

- Ну что ты возишься! – крикнул Партизан.

Пыркин пошел первым. Его черное пальто с оранжевым рукавом развевалось, как бурка героя Гражданской войны. Он не оборачивался, но крикнул на ходу:

- Молодежь, не отставать, если жизнь дорога!
- Мальчики! – закричала с порога бытовки Марфута. – Прикройте меня. Задержите их!
- Я уже вызвал помощь, – сказал Партизан. Он бегом догонял Пыркина.
- Когда она еще придет! – отозвалась Марфута. Она пошла следом. Но толстые, распухшие ноги с трудом держали ее, она переваливалась, как гусыня. В руке, унизанной браслетами, она тащила мешок.

– Дура, – окликнул ее Пыркин. – Ты чего с собой золотишко взяла? Оно тебе не пригодится.

– Я лучше знаю, что пригодится, а что нет.

Жулик бежал рядом, ему нравилось новое приключение, он прыгал и бегал вокруг.

– Если он там будет лаять, придется ликвидировать.

– Ты у меня доликвидируешься! – пригрозил Пыркин. Жулик как будто понял, замолчал.

– Давай мы поможем Марфуте... – неуверенно произнес Егор.

– И не мечтай. Ее не спасем, сами погибнем.

Они бежали к устоям Метромоста. Егор краем глаза увидел нелюдей. Несколько призраков появились в стороне у высохшего дерева.

– Ату их! – крикнул Пыркин.

Жулик послушался и понесся к призракам. Егор оглянулся. Лодка была уже близко от берега. Марфута сильно отстала. Даже отсюда было слышно, как тяжело она дышит.

Партизан снял фуражку, нагнулся и исчез за крайней опорой моста.

Пыркин последовал за ним.

Когда Егор с Люськой оказались в тени нависшего над ними моста, они услышали голос Пыркина:

– Иди ко мне, нагнись только.

Они оказались в пещере, образованной бетонными плитами моста и склоном. Пещера была кем-то углублена, свет в нее попадал со стороны реки сквозь щель, как раз над головами.

– Егор, выйди на разведку, – приказал Партизан. – Осторожно ползи вперед, не высовывайся. Если что – прячься немедленно! Главное, доложи, как там Марфута!

Егор подчинился. Он подполз на животе ко входу в пещеру и выглянул наружу.

Марфута так и не достигла укрытия – до нее еще метров сто. Затем он увидел людей из лодки, их было четверо, они были одеты разнообразно и неряшливо, словно играли в разбойников.

Все четверо шустро бежали вверх по склону, весело крича на ходу, чтобы Марфута остановилась и их подождала. Они казались совсем неопасными.

Марфута бежала из последних сил. Наконец ее пальцы сами разжались, и она уронила свой мешок. Ей бы побегать быстрее, но она остановилась, расплылась грудой мяса и стала собирать в мешок высыпавшиеся оттуда драгоценности. Партизан просунул голову рядом с Егором.

– Дура, – прошептал он. – Как Тарас Бульба.

Егор вспомнил, что Тарас Бульба попал в плен к ляхам, потому что вернулся за своей трубкой. Оказывается, Партизан тоже читал Гоголя. А что в том удивительного? Ведь Гоголь жил еще раньше.

Марфута не сумела собрать добро в мешок, веселые разбойники догнали ее.

– Вот и славно, – сказал первый из них.

Неожиданно он ударил Марфуту в бок так, что она упала на землю.

– Ой, миленькие хлопчики! – завопила Марфута. – Да за что ж вы на бабу старую навалились! Отпустите меня, вы ж меня знаете, я всегда здесь живу.

Второй молодец поднял мешок.

– Тяжелый, – сказал он. – Наверное, с полпуда.

– И все ворованное, – сказал третий. – Безобразие.

Они засмеялись.

– Это мы конфискуем, – сказал первый и, видно, главный. У него была черная борода клинышком, как у Мефистофеля, и небольшие торчащие усы.

– Конфискуйте, конфискуйте, – согласилась Марфута.

– И все бранзулетки, которые ты на себя навешала, тоже конфискуем.

– Это правильно. – Марфута начала сдирать с себя браслеты и ожерелья.

Она очень торопилась, руки тряслись, она старалась стать маленькой, незаметной, послушной, как ребенок, чтобы злые дяди не обижали ее. Егор понял, что не может больше смотреть на страдания Марфуты, – он рванулся, чтобы вылезти из пещеры, но Партизан, видно, догадался об этом и прижал Егора к земле – рука у него оказалась сильной.

– Ты с ума сошел, – прошептал Партизан. – Ты же всех погубишь и себя тоже. А ей только Бог поможет.

– Егор, – пискнула сзади Люська, – не ходи, пожалуйста.

– Где другие? – спросил бородатый в камуфляже. – Новенькие где?

– Я не знаю, – завывала Марфута. – Не знаю.

Она закричала, и ее вой поднялся до визга, потому что бородатый завернул ей за спину толстую руку и Марфута, стоя на коленях, склонилась головой к его сапогам.

– Та-ам... – забулькала Марфута, – под мостом.

– Показывай!

– Так я и знал, – прошептал Партизан.

Он сделал паузу, прислушиваясь, затем заговорил:

– Побежали дальше. Есть запасной вариант. Ползком направо, а как крыша кончится, сразу вниз, за мной.

Никто не задавал вопросов. Даже Люська понимала, что разговаривать некогда. Но удивительнее всех вел себя Жулик. Он первым выполз из убежища и на полусогнутых лапах побегал именно туда, куда велел бежать Партизан.

Партизан пополз следом за ним. Егору показалось, что место настолько открытое, что их сразу заметят.

Но заметили их не сразу. Крики слышались тогда, когда последний из них, Пыркин, покинул убежище и, пригибаясь, помчался за остальными.

– Вот они! Держи!

Партизан скатился вниз по склону, как куль с картошкой. Егор тоже потерял равновесие и старался удержаться за какие-то палки и железки, которые торчали из земли. Люська бежала легко, она была невесомая и ловкая.

Уже внизу, схватившись за вылезающий из асфальта кусок рельса, Егор смог посмотреть вверх, откуда доносились крики, неслышные, пока бежишь, и громкие, стоит тебе остановиться.

И он увидел, как Пыркин стоит на пути противников, размахивая толстым дрыном.

– Не подходи! – кричит он. – Убью! Всех перестреляю!

Мефистофель сделал шаг вперед и вытащил из-за пояса саблю. Пыркин крутил палкой так отчаянно, что Мефистофель не смел приблизиться к нему.

– Заходи сбоку, Мартын! – закричал Мефистофель своему помощнику.

Тот начал обходить Пыркина, но сделать это было нелегко, потому что слева от Пыркина была стена, справа – крутой откос. Мартын старался пробраться по крутизне, но сорвался вниз и хлопнулся на живот, чтобы не скатиться в воду.

Третий бандит никак не мог придумать, как подобраться к Пыркину, и метался за спиной Мефистофеля.

– Убери его! – кричал Мефистофель.

Партизан толкнул Егора в сторону, где оказалась дыра, прикрытая стоявшей под острым углом гигантской плитой.

Люська прыгнула внутрь первой, за ней – Партизан, который тянул за собой Егора, но Егор смотрел, как Пыркин сражался с бандитами.

И успел увидеть, как бандит по имени Мартын, поднявшись на ноги и с трудом балансируя на крутом склоне, вытащил из-за пазухи пистолет.

– Давай же! – крикнул Мефистофель.

Мартын прицелился, и больше Егор ничего не увидел и даже не услышал выстрела, потому что Партизан утащил его внутрь, в черную нору.

– Ползи! – приказал он.

Егор послушно пробирался в полной темноте, осыпалась земля, что-то холодное и скользкое упруго дернулось под рукой, Егор сжался от ужаса, а Партизан все торопил и торопил его:

– Ползи, ползи!

– Все, – глухо ахнула спереди Люська. – Здесь стена.

– Тогда сиди и молчи, – проговорил Партизан.

Наступила тишина.

Все слушали, что происходит снаружи, но нора, в которую они забрались, была достаточно глубокой, и не было слышно ни звука.

– Боюсь, – вдруг произнес Партизан, – что Жулик к нам побежит. Он их наверняка на нас выведет.

– Там что-то было, – сказал Егор. Он вытер влажные ладони.

– Не бойся, – сказал Партизан. – Здесь улитки бывают. Крупные улитки. Давно завелись. Они не кусаются. И слизь у них не опасная. Но если будут Марфуту пытаться, она наверняка на нас покажет. Она это убежище знает. Лучше бы ее сразу убили.

– Ой, что вы говорите! – ахнула Люська.

– Фуражку потерял, вот что говорю, – ответил Партизан.

Было душно. Долго не просидишь.

– Нам долго здесь сидеть? – Люська как будто угадала мысль Егора.

– Пока не уйдут, – ответил Партизан. – Ты не бойся, не задохнемся. Мы как-то здесь вчетвером сидели. Часа два. Но живые остались.

– Что им от нас нужно? – спросил Егор.

– Вы им нужны, – сказал Партизан. – Они выследили, что у нас молодежь.

– А почему молодежь?

– Глупый, молодежи здесь нехватка. Молодежь всем нужна. И новенькие тоже. А если молодежь и новенькие, то тут цены нет.

– На что я им?

– Продать, – сказал Партизан. – Или использовать.

– Как?

– Как, как! Рано тебе еще знать как! – рассердился Партизан. – Твое дело сидеть.

– Уйду я от вас, – сказала Люська. – Нельзя мне с вами жить. Лучше уж дома.

– Надоело, – сказал Партизан. От него пахло немытым телом и дешевым одеколоном. Задохнуться можно от такого одеколона. – Никто отсюда не уходит.

– А кто нам скажет, когда выходить? – спросил Егор.

– Птичка пропоет, – ответил Партизан. – Помолчи.

Они молчали. Чтобы не было грустно, Егор стал думать. Он уже немного привык к своему положению и даже поверил в то, что стал как бы привидением. Ведь невероятно то, что происходит с другими. С тобой невероятно не бывает. Дядя Боря когда-то любил повторять: «Будем решать проблемы по мере их возникновения».

«Вот мы сейчас сидим в черной дыре. Я, один пожилой человек, которого не успели уменьшить до нужного ничтожества, девочка Люська, не очень образованная, по-своему симпатичная, и ее жалко. И надо отсюда выбираться. Как с необитаемого острова. Как из тюрьмы. Не может быть, чтобы отсюда нельзя было выбраться. Нет тюрем, из которых не убегали бы графы Монте-Кристо».

Совсем близко, как будто в ухо, залаял Жулик. Ну просто заливался отчаянно, будто хотел сказать что-то важное.

– Молчи! – зашипел Партизан.

Жулик замолчал, будто удивился.

Снаружи зашуршало.

– Ох и выдаст он нас! – прошептал Партизан.

Холодный нос Жулика ткнулся в щеку Егору.

– Ты чего? – спросил Егор.

Жулик попытался схватить Егора зубами за рукав.

– Он нас зовет вылезать, – сказал Егор.

– Он здесь? Гони его! Нет, не гони. Держи его! Не выпускай!

Жулик скулил, и Егору показалось, что он понимает его. Выходи, умолял Жулик. Чего ты сидишь в норе, словно червяк!

– Я выгляну, – сказал Егор.

– И не мечтай. Они рядом. Я чувствую, что они рядом.

– Нет, я пойду!

Жулик, услышав Егора, взвыл от восторга. Он пытался вылезти наружу, как будто был уверен, что Егор его не оставит.

– Егорушка, – умолял Партизан. – Если вас уведут, с кем я останусь! Они же Марфуту наверняка уничтожили, а Пыркина застрелили. Я без населения пост свой потеряю.

– Какой пост?

– Но я же начальник аванпоста, – пояснил Партизан. – У меня привилегии, положение. Неужели не понимаешь?

– Нет, не понимаю, – сказал Егор. – Ничего не понимаю.

Он пополз к выходу за Жуликом.

Жулик уже выскочил наружу и бегал вокруг, деловито тявкая.

– Стой! – Партизан схватил Егора за ногу, но Люська стала бить Партизана. Егор слышал частые удары и ее слова:

– Пусти, пусти же! Мы уйдем, зачем в дыре сидеть?

Егор вырвал ногу и выбрался на белый свет. Правда, свет был не очень белым, скорее серым, но после черной норы он показался ослепительным.

Жулик прыгал вокруг, звал обратно.

Ни одной живой души вокруг не было. Тишина стояла отвратительная, потому что такой тишины не должно быть. У древних греков мертвые жили под землей, там была река, через которую перевозил специальный старик. Правда, Егор забыл, как старика звали.

Где же остальные жители бытовки? Егор прислушивался к безнадежной тишине, и ему хотелось, чтобы хоть какой-нибудь живой звук прорвался сюда.

– Что там? – глухо послышалось из-под земли.

– Ничего, – ответил Егор. Он поймал себя на том, что отвечает вполголоса.

Жулик тявкнул, вежливо приглашая идти. Громко лаять он тоже не решился.

– А ты пройди по мосту, – посоветовал Партизан. – Выгляни. Если все в порядке, позови нас. Только негромко. Мы услышим.

Ничего себе партизан, подумал Егор. Кто с таким ходил в разведку? Поэтому, наверное, белые и проиграли войну.

Егор пошел вверх по склону. На голой земле, усеянной железками, палками, кусками бетона – чудом никто из них ног не поломал, – видны были борозды – следы их бегства. Чуть выше, возле первого убежища, лежал на земле Пыркин. Пальто у него было черным, рубашка оранжевой – следов крови издали не видать.

Егор кинулся к пьянице.

– Пыркин, вы чего! Очнитесь, Вениамин Сергеевич!

Егор склонился было над Пыркиным, но вспомнил, что поблизости могут оказаться враги. Он сначала осмотрел склон дальше, в сторону бытовки. И подумал, что там должна быть Марфута.

Но Марфуты не было.

Правда, и бандитов тоже не было.

Обернувшись назад, Егор позвал. Как и обещал – негромко:

– Партизан, выходите! Тут Пыркин лежит.

Пыркин лежал как-то неловко, подогнув под себя ногу, в откинутой руке была все еще зажата палка, которой он пытался защищаться.

Вблизи было видно, что пальто Пыркина расстегнуто и рубашка залита кровью. Егор понимал, что надо пощупать пульс, но побоялся это сделать.

К счастью, подбежал Партизан.

– Ты хорошо смотрел? – спросил он. Партизан не глядел на Пыркина, а оглядывал окрестности. – Они могут таиться. Они же дьявольски хитрые. – Но голос его был бодрее, и вообще Партизан казался более уверенным в себе, чем пять минут назад.

– Он мертвый? – спросил Егор.

Подошла Люська. Она стояла поодаль, не осмеливаясь приблизиться к Пыркину. Жулик тоже стоял рядом и молчал – видно, переживал за хозяина.

– Сейчас поглядим, – сказал Партизан. – Он у нас живучий. Здесь все живучие. Отойди-ка.

Партизан присел на корточки. Он был таким маленьким, что Егор подумал, а может, и не наврал белый партизан. Может, и в самом деле в Красной армии был такой ученый Фридрих Мольтке, который уменьшал пленных.

Хоть Егор не очень интересовался политикой, слово «демократ» он не считал ругательством, как дядя Боря, но, когда смотрел кино или фильм по телевизору, привычно болел за красных. Других фильмов по телевизору не бывало. Красные всегда были нашими, белые – чужими. Вот и сейчас ему трудно было осуждать Фридриха, если тот делал опыты над белыми пленниками. Вот когда вырезают красные звезды на груди наших бойцов – это изуверство.

Партизан поднял веко Пыркина, заглянул в открывшийся белый глаз. Потом поднял его безжизненную кисть и стал щупать пульс.

– Есть, – сказал он, – слабый, но есть. Теперь его надо в бытовку перенести и перевязать, чтобы кровью совсем не изошел. Но нам с тобой его не дотащить.

– Я помогу, – сказала Люська.

Партизан поглядел на нее в сомнении и, тут же почуяв неладное – он все время был настороже, – присел, будто хотел спрятаться за тело Пыркина. Жулик зарычал, глядя на мост.

Егор посмотрел в ту сторону.

Неровной, трудно различимой цепочкой их ожидали призраки.

Они не двигались, не показывали враждебных намерений, но стояли спокойно, бесстрастно, и оттого от них исходила угроза.

– Кровь почуяли, – прошептал Партизан. – Когда кровь почуют, их трудно удержать.

– А кто они? – спросил Егор. Он уже задавал этот вопрос, он многие вопросы задавал по два-три раза и либо не получал ответа вообще, либо каждый раз получал иной ответ.

– Придется бросить Пыркина, – сказал Партизан, – побежали с другой стороны, по самой воде пройдем.

Жулик буквально взвыл. Он понял.

И в следующее мгновение он кинулся на призраков. Они отпрянули, но не так испуганно, как в прошлый раз. Только расступились, пропуская песика. Жулик помчался обратно.

– Ему все равно, – сказал Партизан. – Они кровь высосут из Пыркина, а ему все равно.

– Но вы же сказали, что он живой.

– Что живой, что мертвый – все равно не жилец. Нам его до бытовки не дотащить.

– Нет, так нельзя, – сказала Люська. – Он же мой сосед. Пыркин. Я его давно знаю. Ее аргументы только рассмешили Партизана.

– Если хочешь жить, барышня, – заявил он, – привыкай терять друзей и близких. А уж чужих теряй, не моргнув глазом. Иначе погибнешь сама. К сожалению, третьего пути нет.

Привидения надвигались на них, Жулик носился между призраками, лаял, но не смел подойти совсем близко. Егор уже почувствовал присутствие электричества в воздухе, словно находился под линией очень высокого напряжения.

Он старался понять: где же скрывается разум или злоба в этих намеках на плоть, в прозрачной протоплазме, которая, может, и не существует, а лишь является сгустком какой-то энергии?

Странно, но сейчас он видел, что привидения различаются размером, формой и некоторые из них вовсе не похожи на людей. Из воздуха возникали какие-то полупрозрачные предметы, вспыхивали звездочки, образовывались черные провалы. У одного из призраков вдруг появилось лицо, знакомое неприятное лицо...

– Ты куда к ним пошел? – воскликнула Люська. – Убьют же!

– погоди. Ты же видишь, что у него в лапах?

– Нет, не вижу. Я и лап не вижу. Ну, Егорушка, ну уйдем, пожалуйста.

Так жена уговаривает мужа, пьяного задиру, чтобы не лез в драку.

– Ты видишь черное?

– Вижу, вижу, только уйди.

А Егор понял, что лицо призрака напоминает Жору. Нет, это Егору кажется. Откуда у призрака лицо Жоры? Но почему у него в руках черная овальная, почти непрозрачная штука, так похожая на двухкассетник?

– Ну что ты? – Люська не отставала.

– Кажется, это отцовский магнитофон, – сказал Егор.

– Ты с ума сошел, да?

– Я теперь ничего не понимаю. И ничему не удивляюсь.

Привидение-Жора отделилось от толпы прочих и поплыло к Егору. Жулик бросился ему наперерез. Егор отступил, потому что его начало дергать током.

– Не смотри, – приказала Люська. – Это не он, не тот человек. Это его совесть. Или стыд, или страх... он оставил его с нами, а сам ушел.

– погоди, – сказал Егор, – а может, они такие злые, потому что это не просто призраки, а призраки людей, связанных с нами, – это мы их утащили за собой?

– Да беги же! – снова крикнул Партизан. И побежал прочь.

– Я не побегу, – сказал Егор.

– И я не побегу, – сказала Люська. Но голос ее дрогнул.

Жулик, слишком приблизившийся к привидениям, с визгом отскочил, обожженный. Привидения упрямо стремились к крови Пыркина.

Егор подхватил Пыркина под мышки и потащил его в сторону от призраков. Это было глупое решение, потому что он двигался медленнее, чем призраки. Люська бросилась помогать. Пыркин застонал. Голова его свешивалась набок.

К счастью, привидения задержались. Они замерли, сливаясь воедино, куском студня, розовеющим у земли, – они впитывали кровь, вытягивая ее из земли.

И неизвестно, чем бы кончилась вся эта история, если бы они не услышали голос Партизана:

– Сюда, скорее! На помощь!

По дорожке у реки ехали два велосипедиста в черных плащах и касках.

– Мы людей теряем! – звал Партизан.

Один из велосипедистов остался держать машины, второй стал карабкаться по склону следом за Партизаном.

В руке у него было нечто напоминающее фен, которым мама сушила волосы. Внутри фена светилась красная проволочка.

Привидения начали дергаться, словно им было больно, и, как парус под напором ветра, их масса стала изгибаться прочь от велосипедиста.

Егор опустил плечи Пыркина на землю.

Велосипедист присел возле него на корточки.

– Огнестрельное ранение? – спросил он.

– Да. В него стреляли из пистолета, – сказал Егор. Сейчас он не боялся велосипедиста. Велосипедист превратился в местного милиционера, хоть и странно одетого. Ведь он не виноват, что здесь нет автомобилей. Почему нет, лучше не спрашивать, все равно они ничего не скажут. Но про призраки спросить можно.

– Кто на нас нападал? Кто эти призраки?

– Откуда мне знать? Они, скорее, как тараканы. Только ядовитые. Хорошо еще, что наших пушек боятся. А то бы все заволокли.

Велосипедист достал из внутреннего кармана баночку, открыл ее – острый запах, похожий на запах вьетнамского бальзама, ударил в нос. Велосипедист набрал мази на палец и стал растирать лоб и переносицу Пыркина.

– Ты иди, мальчик, иди, – сказал велосипедист. – Мы без тебя справимся.

Второй велосипедист подошел к ним, оставив машины под охраной Люськи.

– Понесем? – спросил он. – Или пшик?

– Понесем.

Они ловко подхватили Пыркина – один под мышки, второй за ноги – и понесли к бытовке.

Егор пошел за ними.

Он увидел впереди, недалеко от бытовки, Партизана, стоящего над грудой тряпок. Когда подошли поближе, Егор сообразил, что это то, что осталось от боевой подружки Марфуты. Перед смертью Марфута скорчилась, подтянула ноги к животу – видно, последняя боль была невыносимой... У Марфуты не было головы.

Егор понял, что его сейчас вырвет. Он побежал к реке.

И, не добежав десяти шагов, остановился.

Посередине Москвы-реки, удаляясь к дальнему берегу, медленно плыла лодка. Два разбойника гребли, третий держал в середине лодки шест высотой чуть больше его самого. На вершину шеста, как картофелина на палочку, была насажена голова Марфуты, совсем живая, черные курчавые волосы растрепались, на намазанных помадой губах странная лягушачья улыбка.

И тут Егору стало совсем плохо.

Когда он пришел в себя, лодка уже отплыла далеко. К Егору подошел велосипедист – оказывается, они уже отнесли Пыркина в бытовку. Велосипедист смотрел на лодку.

– Мы до них доберемся, – сказал он. – Ну зачем было женщину убивать? Что им от этого за выгода?

– Они у нее золото отнимали, – сказал Егор. – У нее много золота было.

– А ты подумай, парень, кому здесь золото нужно? Хочешь, я пойду с тобой в ювелирный магазин, там наберешь себе драгоценностей, как египетский фараон.

– А зачем же они ее убили?

– Они хотели вас с девчонкой захватить, – сказал велосипедист. – Им вы нужны. Не получилось – озлобились.

Велосипедист снял темные очки, вздохнул, лицо у него оказалось пожилым, морщинистым, белым от здешнего климата. Он был похож на человека, который приходит домой, снимает пиджак и тесные ботинки. И становится добрым.

– Зачем мы им?

«Странно, – успел подумать Егор, пока ждал ответа велосипедиста. – Я страдал, переживал оттого, что никому не нужен».

– Тебе разве не сказали?

– Сказали, но я хочу поскорее отсюда уйти, а для этого надо понять, как тут все устроено.

– Боюсь, что и тысячи лет тебе не хватит. У нас тут рассказывают истории про людей, которые старались уйти. Все плохо кончало. Так что постарайся найти себе место потеплее, отдыхай, не спеши.

– И оставайся мальчиком? – спросил Егор.

– А чем плохо?

– Взрослый мальчик, пожилой мальчик, старенький мальчик.

– Это незаметно, – вздохнул велосипедист. – Как там, дома, – времени нету, а оно летит как оглашенное.

Велосипедист улыбнулся.

– А потом уже не захочешь ничего. Я тебе честно говорю, все здесь эту стадию проходят. Сначала суетятся – я убегу, я уйду, вы меня не задержите. А кто тебя задерживает? Ну нету дырки обратно.

– Вы это точно знаете? – спросил Егор.

– Если не считать сказок и легенд, – сказал велосипедист. – Но когда людям нечего делать, они начинают придумывать сказки.

– Я хочу услышать сказки.

– А ты у нас упрямый!

– Я уйду.

– Такие плохо кончают.

– А почему голову отрезают? – спросил Егор.

– Мы здесь живучие, убить человека трудно. Ты же видел, как Пыркин ожил. Наверное, это следствие того, что времени здесь нет и внутри метаболизм понижается. Ты меня понимаешь?

– Понимаю. Вы имеете в виду обмен веществ?

– Приблизительно. Я раньше доктором был. Можешь себе представить?

– Поэтому вы голову у самоубийцы отрезали?

– Это был не я. Это другой. Но такой порядок.

– Какой порядок?

– В каждом обществе есть порядок. Если человек покончил с собой, пути обратно нет. Мы не хотим здесь плодить психов.

– А почему отрезали голову Марфуте?

– Потому что они бандиты. Не добрались до вас с девчонкой, вот и вымещали зло на тетке. Нет, они скучают. Со скуки и хулиганят. Ничего, скоро мы экспедицию организуем, карательную.

Они пошли наверх, к бытовке.

В бытовке Пыркин лежал на старом диване, он был потный и тяжело дышал. Возле него сидела Люська.

– Мне велели, – сказала она, – лекарство ему давать. Знаешь, у них здесь удивительные лекарства. Надо будет с собой домой взять.

– Их лекарство у нас может не подействовать. Наверняка не подействует. Мы с тобой пока еще верхние, – возразил Егор.

– Верхние?

– Я условно говорю – кровь у нас горячая. А они все стали рыбами.

Люська посмотрела на Егора, чуть сощурившись. Она размышляла. Потом сказала:

– Рыбы бывают очень быстрые и опасные. Акулы.

– Но они другие!

– Когда ты отсюда бежать будешь, меня не забудь взять, – попросила Люська. – Я тебе верная буду.

– Я еще не знаю, как это сделать!

– Узнаешь, ты умный.

За тонкой стенкой снаружи гремел незнакомый авторитетный голос:

– Обоих, и немедленно!

– Но вы же видите, что я один остаюсь. И у меня раненый на руках. Завтра же нас нелюди съедят или бандиты расстреляют.

– Один сторож здесь останется, пока нового тебе не подвезем, ты не беспокойся, на вокзале о тебе помнят.

– Только обязательно должна быть женщина. Желательно молодая. Мне жениться пора.

– Смешно, – ответил незнакомый голос. – Ну давай показывай нам детский контингент.

– Люська, Егор, на выход! – закричал Партизан.

Пыркин застонал. Он силился что-то сказать.

– Осторожнее, Люська, – произнес он наконец.

– Как ты, Пыркин? – обрадовалась Люська.

– Я потом к тебе приду, – сказал он. – Ты не бойся. – Он закрыл глаза. Говорить ему было трудно.

В бытовку ворвался Партизан.

– Ну куда вы запропастились! – закричал он. – Вас же ждут!

– А кто ждет? – спросил Егор.

– Пошли, пошли, ждут вас.

Он готов был вытолкать их из бытовки.

– А Пыркин заговорил, – сказала Люська. – Вы ему напиток дайте.

– При чем тут Пыркин?

Егор вышел первым из бытовки. Спрыгнув с лесенки в две ступеньки, он остановился, разглядывая новых гостей.

На этот раз вместо велосипедистов приехал целый экипаж. Вернее, гибрид телеги и велосипеда. Открытая повозка оглоблями была прикреплена к двум большим велосипедам. На облучке сидел строгого вида мужчина в милицейском мундире и генеральской фуражке.

Мужчина был бородат. Концы длинных светлых прядей доставали до плеч. Движения у мужчины были закругленными, ленивыми, словно он играл роль какого-то восточного паши.

– Ах, какой сюрприз, – произнес он. – Мы вам рады.

– Здравствуйте, – сказал Егор.

Странно, но в этом прохладном мире вельмож было жарко. Он даже снял фуражку, чтобы вытереть рукавом блестящее лицо.

Егор с Люськой молчали. Вельможа их не спрашивал. Он разговаривал сам с собой.

– Добро пожаловать в государство Солнца! – сказал вельможа.

Люди на велосипедах обернулись к Егору с Люськой и рассматривали их равнодушно, как рассматривают людей лошади. Они были в плащах, в касках, как настоящие велосипедисты. Егор улыбнулся собственным мыслям – он уже рассуждает как старожил.

– Прошу садиться, – сказал вельможа. – Обо мне вы могли не слышать, если плохо учились в школе. Моя фамилия Дантес. В свое время мне удалось убить известного русского поэта Пушкина и избавить мир от этого якобинца. Эдмонд Дантес. Впоследствии писатель Дюма

написал обо мне роман. Но мы с вами живем в демократическом обществе, и потому можете называть меня попросту: Эдмонд Давидович.

Велосипедисты уселись в седла и были готовы тронуться в путь. Партизан стоял в дверях бытовки. Он поднял руку и приложил ее к новой фуражке.

Егор послушно влез в телегу. У заднего бортика была доска как раз на двоих. Люська села рядом.

– Я боюсь, – прошептала она.

– Мы должны все узнать, – сказал Егор. – Не сидеть же здесь.

– Правильно! – Вельможа Дантес услышал слова Егора. Он повернулся на кресле и крикнул велосипедистам: – Ну, мои любезные, не подведите! Покажите нашим гостям, как мы умеем ездить.

Велосипедисты согласно нажали на педали, и повозка, покачивушись на откосе, покати-лась вниз, к широкой асфальтовой дорожке возле самой воды.

Вельможа развернулся к пассажирам.

– Полагаю, – сказал он, – что у вас есть множество вопросов. Но отвечать на них у меня нет настроения. Вопросы буду задавать я.

Никто с ним не спорил. Велосипедисты мерно жали на педали, велосипеды скрипели. Телега тоже скрипела.

– А машин у вас нету? – спросил Егор.

– Мальчик, я же сказал, что не намерен отвечать на вопросы, – капризно сказал Дантес. Он накрутил на палец длинный светлый локон и дернул за него. Сморщился как от лимона.

– Здесь бензина нет, – сказал один из велосипедистов. Было странно услышать его, потому что лошади не должны разговаривать.

– Он куда-то деваается, – сказала вторая «лошадь».

– Помолчите! – оборвал его Дантес. Теперь он запустил тонкие пальцы в бородку.

«Лошади» замолчали. Повозка скатилась на дорожку вдоль воды. И тут Егор увидел, что лодка, в которой приплывали к ним три бандита, стоит полузатопленная у самого берега. В лодке никого не было. Ее мачта наклонилась. Голова Марфуты, насаженная на мачту, чуть приоткрыла глаза, глядя на Егора.

– Ой!

Это был голос Люськи.

– Их уже примерно наказали, – сказал Дантес.

Велосипедисты прибавили оборотов, и повозка быстро покати-лась по набережной.

– Ты учишься в школе? – спросил Дантес у Егора.

– В девятом классе, – ответил тот.

– Молодец. Еще год – и окончишь школу. Куда намерен поступать?

– На исторический.

– Решил стать архивной крысой? – Дантес дернул себя за бороду.

Его пальцы не знали покоя – они должны были все время за что-то дергать, куда-то залезать.

– Археологом, – ответил Егор.

Дантес задавал вопросы так, словно был гостем на родительской даче. Будто не сомневался, что Егору предстоит учиться в институте. Может быть, отпустят, подумал Егор. Как будто сидел в тюрьме.

– Ну а ты что нам скажешь? – спросил Дантес у Люськи.

– А вы в самом деле Пушкина убили? – спросила Люська.

– Убил.

– Тогда я с вами разговаривать не буду, – твердо заявила Люська.

Егор подумал: «Как странно, а я ведь его не воспринял как настоящего Дантеса. Если он убил Пушкина, значит, наказание для Дантеса было страшнее, чем смерть для Пушкина».

– Вы тоже наказаны, – сказал Егор. – Полтора века сидите в тюрьме.

– Не думаю, что это – тема для разговора, – сказал Дантес. – Тем более что я занимаю достойное положение.

Навстречу им по набережной шла девушка и катила перед собой кресло с идиотом. Голова того свешивалась набок, и из угла рта тянулась слюна. Видно, нагулялись и возвращались обратно.

– Софья, почему без охраны? – вдруг спросил Дантес. – Не выношу непослушания.

Девушка чуть замедлила шаг и сказала тихо, но так, что слышно было издалека:

– Я не намерена давать вам отчет. Мне не требуется охрана. Лучше охраняйте себя.

– Ха-ха-ха! – громко закричал Дантес.

Девушка покатила кресло дальше. Дантес расстроился, что-то зло пробормотал под нос.

Возле ажурного железнодорожного моста Окружной дороги велосипедисты вытащили повозку на мостовую, и дальше они поехали по широкой набережной. Слева стояли пустые кирпичные дома, справа за чугунной решеткой была видна серая река.

– Этого еще не хватало! – Дантес совсем расстроился. Он смотрел вверх. Над ними медленно летел воздушный шар. Он летел поперек их движения, перелетел через реку. Из корзины шара свесился человечек и что-то кричал. Дантес погрозил ему кулаком.

– Типичный бардак, – сказал Дантес Егору. – Никому нельзя верить. Сказано же – летать запрещено. Слава богу, живем сотни лет и не летаем. И неизвестно, откуда летит, с каким заданием.

Велосипедисты энергично работали педалями, повозка поскрипывала.

– Нам далеко ехать? – спросил Егор.

– В принципе тебя это не должно волновать.

– Еще как волнует, – вмешалась Люська. – Мы хотим отсюда поскорее уехать.

– Кто же внушил тебе такую глупую мысль? – удивился Дантес. – Неужели твой юный спутник?

У Дорогомиловского завода стоял сторож в каске и черном плаще.

Больше им никто не встретился до самого Киевского вокзала. Ехали они долго – все же велосипеды с телегой не самый быстрый вид транспорта. Но больше не разговаривали. Дантес был погружен в свои мысли и на все вопросы отвечал невнятным бурчанием. Да и сам больше ничего не спрашивал.

Егор смотрел на небо, на другой берег реки, на пустые дома, ему казалось, что пустыньность этой Москвы – какой-то яд. Он вползает в сердце и превращает тебя в человека-лошадь. Ты готов покорно крутить педали. А раз нет времени, нет часов и нет измерений, то трудно понять, год прошел или десять минут.

– Смотри, – сказала Люська, – это Новодевичий монастырь, правда?

Монастырь изменился. Стены его были некрашенные, в луковке колокольни была большая дыра, парк, отделявший монастырь от реки, исчез. Остался лишь длинный пруд.

Скрип-скрип – колеса повозки, скрип-скрип – педали.

Вот и Киевский вокзал стеклянным ангаром поднимается за площадью, на которой остались – наконец-то Егор увидел их – машины. Забытые на стоянке.

– Это неправильно, – сказал он.

– Что неправильно? – спросила Люська.

Ей стало тепло, она растегнула пальтишко и откинула на спину серый платок. Волосы ее, зачесанные на прямой пробор, были туго стянуты резинкой. От этой прически голова становилась меньше, а сама Люська казалась старше, чем была в платке.

– Машины не должны здесь оставаться, – сказал Егор. – Машины потом уезжают.

– Мы не знаем, – сказал вдруг Дантес, – что из вещей переходит сюда, а что остается, мы даже не знаем, у чего появляются дубли, а у чего нет. Я тут видел табун лошадей на Садовом кольце. Ты видел, Петренко?

– Мы вместе были, господин Дантес, – откликнулся правый велосипедист.

– Представляешь, табун лошадей! Откуда? Почему? Мы сначала думали, что это видимость.

– Но они прошли, и мы видим – навоз! Честное слово, – вмешался в рассказ другой велосипедист.

Неожиданно Дантес вытащил откуда-то, возможно из-под себя, длинный хлыст и с размаху огрел велосипедиста.

– Больно! – охнул тот.

– Я и хотел, чтобы было больно, – ответил Дантес. – Когда я рассказываю, не влезай.

Петренко и не подумал вступить за своего товарища.

Повозка въехала на площадь, миновала стоянку машин и остановилась у громадного входа в вокзал под башней с остановившимися часами.

Дантес первым прыгнул с повозки и пошел наверх по широкой лестнице.

Там стояли два велосипедиста в пожарных касках.

Один из велосипедистов, которые привезли повозку, слез со своей машины и сказал Егору:

– Пошли, чего расселся!

Зал Киевского вокзала был высоким, гулким. Звук шагов раздавался так, словно его подхватывал микрофон и, многократно усилив, бросал вниз.

Прямо был выход на платформы, но велосипедист повернул налево.

И сразу – словно поднялся занавес – они очутились в ином мире. В мире людей, вещей и движения. Главное – здесь было движение. Движение – это и есть жизнь материи, сказал себе Егор. Неизвестно, он читал это где-то или сам придумал.

Зал переходил в длинное, не столь высокое, но просторное помещение, в котором сохранились длинные ряды жестких кресел для ожидающих пассажиров. В креслах сидели или лежали люди. В дальнем углу у стены несколько рядов были сдвинуты, и там собралась тесная компания с гитарой. Эти люди пели песню про барабанщика.

На свободном пространстве люди разгуливали поодиночке, парами или небольшими группами, останавливались, снова шли. Среди них были и велосипедисты, а также военные в мундирах и фуражках. Женщин было меньше, чем мужчин, но, глядя на них, можно было скорее сообразить, что они принадлежат разным эпохам. Мужской наряд за последние двести лет не так уж сильно менялся, зато женские платья претерпели большие перемены. И было странно и непривычно видеть даму в длинном, до земли, платье со шлейфом, а рядом с ней женщину в короткой, выше колен, юбке, женщин с высокими замысловатыми прическами и вообще без причесок – коротко и просто остриженных. Значит, здесь, понял Егор, есть свои парикмахеры и портные, и этот мир, оказывается, устроен куда сложнее, чем показалось там, возле Метростоя, где все человечество ограничивалось маленькой кучкой нищих.

Люди вокруг Егора были разного возраста, чаще старые, чем молодые. Независимо от возраста некоторые из них были более или менее новыми, живыми, а другие были изношены, как скрипучие стулья, поедены древоточцами и готовы вот-вот рассыпаться.

Но если там, в бытовке у Москвы-реки, только Марфута красила себе лицо, причем делала это не очень умело – видно, на фронте не успела научиться, – то здесь все – и мужчины и женщины – были размалеваны, как дикари.

Люська сказала:

– Полное безобразие, как в цирке.

Да, как в цирке, а вернее, как клоуны в пантомиме. Издали это не смешно, а вблизи и смешно и страшно.

Все они вели себя как очень занятые и важные люди, на Егора с Люськой никто не обращал внимания, если не считать женщины непонятных лет, прическа которой напоминала луковицу, лицо было густо намазано мелом, на щеках нарисованы красные помидоры, а вокруг желтых белков глаз черная кайма чуть ли не в спичку толщиной.

Женщина обернулась к ним, когда они проходили мимо следом за велосипедистом, и сказала своему спутнику, голубоватое лицо которого было прикрыто слишком большими темными очками:

– Обрати внимание, какая милая девчушка. Чудесный цвет лица.

– Обломают, – ответил ее спутник, наряженный почему-то в длинный шелковый таджикский халат. – Насмотрелся я на них. Многих обламывали.

Говорил он так спокойно и равнодушно, что у Егора кольнуло в сердце. Люське грозила какая-то опасность.

– Да, – сказала им в спину дама-луковица, – как пролетает жизнь! И я ведь была такой. В пансионе для благородных девиц.

– Врешь, – ответил мужчина.

Перед дверью, над которой сохранилась табличка «Комната милиции», было теснее. Здесь люди скапливались, как муравьи у входа в муравейник. Велосипедист остановился.

Дверь растворилась, и выглянувший оттуда высокий, смертельно бледный старик в черном костюме произнес:

– Прием временно прекращается.

Затем увидел Егора с Люськой и добавил:

– А вы, молодые люди, проходите, пожалуйста, внутрь.

В толпе, скопившейся у дверей и источавшей запах сухой гнили и туалетного мыла, зародился несмелый ропот.

– Погуляйте, господа, погуляйте пока, – сказал старик в черном костюме и резко отступил на шаг, пропуская в дверь Егора с Люськой. Редкие черные волосы были начесаны на лоб, глаза скрывались в глубоких глазницах.

– Казалось бы, – добавил он, прикрывая дверь, – спешить здесь некуда, но мы хотим, чтобы все было как у людей.

Старик засмеялся высоким голосом.

Они стояли в просторной комнате, мутно освещенной от окон. Пол комнаты был устлан коврами, десятками, может, сотнями ковров всех размеров и узоров, которые поднимались в центре пола довольно высоким холмом, как получается холм из блинов на блюде, когда на Масленицу хозяйка вносит их из кухни. Ступать по комнате было опасно – недолго потерять равновесие. Стены тоже были в коврах и увешаны скрещенными саблями, кинжалами, пистолетами, круглыми щитами и персидскими шлемами. Там же Егор узнал полотно Айвазовского с тонущим кораблем. Боковую стену справа занимала гигантская картина «Иван Грозный убивает своего сына», видно, похищенная из Третьяковской галереи.

– Иван убивает Ивана. Это забавно, – произнес высокий, почти женский голос. – Я приказал повесить ее здесь, чтобы все помнили – с императором шутки плохи. Даже если ты ему близок как собственный сын. Вам понятна аналогия?

– Это в Третьяковке висит, – неожиданно сказала Люська. – Я там была.

– Из Третьяковки картина давно исчезла, в чем заключается один из парадоксов нашего существования. Копия сделана по репродукции великим трагическим талантом Карлом Брюлловым и значительно превосходит оригинал. Вы как думаете?

Обладатель тонкого голоса таился в черном кожаном кресле за холмом ковров.

– Но ведь Карл Брюллов раньше Репина жил, – сказал Егор.

– Еще один парадокс нашей странной жизни. Подойди поближе. Присмотрись ко мне, юноша. А я тем временем получше разгляжу твою юную спутницу. Она еще не распустилась, нет! Она еще бутон. Но опытный и мудрый садовник изолирует такой бутон в своей оранжерее и будет ждать того момента, когда тычинки задрожат от предвкушения похоти! Мне кажется, что я вижу мой идеал, мою будущую императрицу.

Люська вцепилась Егору в локоть ногтями. Было больно.

– Не бойся, – сказал Егор.

– Я присоединяюсь к твоим словам, – сказал император. – Не бойся. Ничего, кроме счастья, тебя не ждет.

Наконец Егор разглядел императора.

В старинном черном кожаном кресле, какому положено стоять в кабинете академика, с трудом умещался очень толстый человек. Он был лыс, ни волоска, ни пушинки на голове, нос пуговкой, щеки мягко лежали на складках шеи, складки шеи лежали на груди и на плечах, а обнаженные руки, словно ручки младенца, были перетянуты ниточками. Ногти, очень маленькие по сравнению с сардельками пальцев, были покрашены в красный цвет. На человеке был надет бронежилет, похожий на детский передничек, который не сходил с боков, и шорты. Ноги, напоминающие ножки рояля, оставались босыми.

Рядом стоял Дантес, он держал фуражку на согнутой в локте руке и молча кивал на каждое слово толстяка.

– Я люблю искусство, – сказал толстяк. – Но еще больше я люблю молодых людей. От них я получаю мою энергию. Ах нет, не бойся, я ничего плохого детям не делаю, порукой тому честное слово моих соратников.

– Честное слово! – сказал старик в черном.

– Честное слово, – повторил Дантес.

– Вы садитесь, садитесь на ковры, на них тепло и мягко. И не удивляйтесь моему телосложению, оно – плод трезвого расчета. Когда, много лет назад, я попал в этот мир... тогда не было еще ни этого здания, ни других колоссальных строений Москвы.

Подчиняясь движению руки толстяка, Егор и Люська уселись на ковры. Пришлось подложить под себя ноги, но сидеть было все равно неудобно.

– Я провел здесь много лет, я видел, как приходят и уходят люди, я взвалил на себя бремя власти в этом мире для того, чтобы люди познали порядок, а не были племенем убийц и разбойников, всегда существующим на грани гибели. Я добился порядка. Правда и порядок – вот мой девиз.

– Правда и порядок! – завопил Дантес.

Из-за двери донеслись отдаленные разрозненные голоса.

– Правда и порядок! Поря... о...

– Будучи человеком необыкновенной силы воли, – продолжал толстяк, – я решил заставить себя питаться. И знаете почему?

– Нет, – сказал Егор, потому что сообразил, что от него ждали этого ответа.

– Разумеется, нет, – согласился толстяк. – Вы здесь новички. Я же, будучи человеком великого ума и значительной силы воли...

Дверь чуть приоткрылась – в щель смотрели десятки глаз.

– Я понял, что бороться с разрушением и тленом можно, лишь заставляя свой организм трудиться, не поддаваться тлену. И я стал заставлять себя есть не меньше, чем в предыдущей жизни, заставляя себя спать, любить женщин, фехтовать, бороться, поднимать тяжести, черт побери! Вокруг меня бродят жалкие привидения. Я же, господин всего этого мира, здоров, молод и упитан.

На этот раз никто не ждал от Егора восклицаний, и восклицания восторга донеслись от полуоткрытой двери.

– Как меня зовут? – спросил вдруг толстяк.

– Гаргантюа, – быстро ответила Люська. – Я читала. Я знаю.

Толстяк рассмеялся. Он просто заливался, телеса его вздрагивали, колыхались, язык трепетал в распахнутом рту. Его придворные вторили толстяку, и веселье постепенно охватило весь вокзал, хохот его обитателей раскатился по обширному вокзальному пространству.

Толстяк оборвал смех и вытащил из-за спины сверкающую корону, похожую на разрубленное сверху яблоко. Из разруба поднимался усыпанный алмазами крест. Толстяк водрузил корону на голову и строго спросил Егора:

– А теперь узнаешь?

– Нет, – признался Егор. – Не знаю. Я сначала думал, что вы скажете – Геринг.

И Егор виновато улыбнулся.

– Ты в России, – сказал толстяк. – Здесь Герингов нет. И Наполеонов тоже не держим. Здесь все наше, родное. Дантес, скажи, кто я такой!

– Вы – его императорское величество господин император Павел Петрович.

– Вот именно, – сказал толстяк. – Я должен был выбирать – красоту или здоровье. И я выбрал здоровье и молодость.

– Но почему такой толстый? – спросила Люська.

– А потому, что в этой среде, – добродушно ответил император, – пища организмом не усваивается. Некоторые умудряются прожить по двести лет без крошки хлеба. И не умирают. Зато изнашиваются со сказочной быстротой. Вот ты, девочка, скажи мне, насколько ты голодна?

– Я вовсе не голодна, – ответила Люська.

– Вот видишь. Значит, скоро рассыплешься. А у меня впереди столетия!

– Но вас же убили, – сказал Егор. – Вас задушили подушкой заговорщики во главе с вашим сыном Александром. Я знаю, я читал.

– О заговорщиках я читал, тоже грамотный. Но участие родного моего сына Александра в этом категорически отрицаю. Историческая правда заключается в том, что в моей постели спал мой двойник. Я давно уже подозревал заговор среди моих подданных. И принял меры. Мой двойник погиб и был погребен. Однако я не посмел открыть правду... Мне так хотелось жить! Я прожил до Нового года, скрываясь от всех, даже от близких людей. Меня скрывала в своем загородном имении моя жена Мария Федоровна... К концу года я понял, что попал в безвыходное положение. Что я никому не нужен, что я всем мешаю...

Неожиданно толстяк вытер побежавшую по щеке слезу.

– И вот я здесь... Одинок. Императрица на той неделе покончила с собой!..

За дверью послышались стенания.

– Придворные – всегда придворные, – произнес император совсем другим, трезвым, спокойным голосом. – Лакеи – всегда лакеи. И хоть они ни в чем от меня не зависят, – последние слова император сказал шепотом, – все равно они готовы вылизывать следы моих ног.

Император пошевелил пальцами голый ноги и уставился на них, словно увидел впервые.

– Но мы, надеюсь, еще поговорим с тобой, – сказал император. – Ты мне кажешься неглупым ребенком. Об одном прошу – ешь, и много ешь. Это относится и к девочке. Как тебя зовут, барышня?

– Люська.

– Людмила. Красивое имя. Ты обещаешь превратиться в настоящую красавицу. Я разбираюсь в женщинах. Только для этого ты должна хорошо и много питаться. Готовьте выход к обеду, – закончил император.

Старик зазвонил в колокольчик. Два могучих велосипедиста в сверкающих шлемах вышли из маленькой двери сбоку и подхватили поднявшегося императора с обоих боков. Император положил пухлые ручки на плечи молодцов, и они поволокли его к двери наружу.

Дверь распахнулась – от нее в обе стороны брызнули подслушивающие придворные.

Егор подумал, что постепенно теряет связь со здравым смыслом. Даже обычные здесь сочетания утрачивали смысл, как только ты произносил их вслух: император Павел и Дантес, убивший Пушкина, собираются обедать в зале ожидания Киевского вокзала...

Император с трудом переставлял ноги. Гвардейцам было нелегко, но они терпеливо тащили тушу через зал, где был накрыт стол.

Стол был страшно длинным, как перрон. Вдоль него, не садясь, стояли десятки придворных. Ждали императора.

Велосипедисты протащили императора к торцу стола.

Император опустился в красное высокое кресло.

Не говоря ни слова, он оглядел стол. Как поле битвы. Было слышно, как вразнобой дышат старческие глотки.

Император обозревал блюда и миски, стоявшие перед ним. Егор удивился. На блюдах, в тарелках и мисках лежали продукты, которых здесь, казалось бы, и лежать не должно. Почему, высунув из петрушки рыло, лежит на блюде небольшой осетр? Откуда взялся расколотый попонам, алый внутри арбуз? А грозди бананов? А тонко порезанный батон?

Все эти яства громоздились перед императором, а дальше по столу блюд и тарелок становилось все меньше, и пища на них была все скуднее. В дальнем конце стояли лишь стаканы с пустой водой.

После того как император уселся и сделал знак садиться остальным, Дантес провел Егора и Люську в голову стола. Люську посадили рядом с императором по правую руку, а Егору досталось место подальше, но далеко не самое последнее – на блюде перед ним лежали кучкой шпроты, дальше из плетеной хлебницы торчали сухари.

Люська попыталась было рвануться за Егором, но император придержал ее за руку и сказал:

– Садись, садись, не пропадет твой Егорушка. Ты там удобно устроился, молодой человек?

– Спасибо, – ответил Егор.

– Надо говорить: спасибо, ваше величество.

– Спасибо, ваше величество.

– Молодец. Ты, конечно, не возражаешь против того, что я намерен влюбиться в твою подружку?

– Не знаю, ваше величество.

– Для начала будем ее откармливать. Благо у меня есть возможности.

– Не возражаю, – ответил Егор. Что он мог еще ответить?

– Не торопитесь с выводами, – произнес старик в черном пиджаке, который руководил приемом у императора. Он сидел рядом с Егором. – Я мог бы тоже затаить оскорбление в душе, потому что лишился своего привычного места, рядом с его величеством. Он нашел себе новое развлечение. Но сколько пройдет времени, пока он превратит девочку в послушную тупую свинку, – один бог знает.

– А зачем он хочет ее откармливать? – спросил Егор, боясь услышать что-то страшное.

– Нет, не думайте, – криво усмехнулся старик, – его величество не кушает младенцев. Он вполне цивилизованный монарх. Но его величество полагает, что может продлить свое благородное существование еще лет на пятьсот, если у него будут молодые любовницы. А молодых любовниц остро не хватает. Просто катастрофа какая-то.

– Но она же еще совсем девочка!

– Вот поэтому ее и будут откармливать, – сказал старик, и они замолчали, глядя, как император накладывает куски семги на тарелку Люське. И что-то воркует. Люська затравленно поглядывала на блюдо и послушно совала в рот куски рыбы.

– А откуда здесь рыба? – неожиданно для себя спросил Егор.

– В некоторых реках обнаруживается рыба, – рассеянно соврал старик, не отрывая взгляда от императора. – И раки. И улитки. А крупные муравьи – сущее бедствие. Мы также едим крыс – они тоже ничем не питаются, хотя грызут все, что попадает им в зубы... Если бы не крысы, наш мир бы не обновлялся.

– Я не понимаю.

– Конечно же, не понимаешь. Но они уничтожают следы старых домов, чтобы освободить место новым.

– А вы кто были раньше? – спросил Егор.

Он спрашивал, разговаривал, но не мог оторвать глаз от Люськи. Та чувствовала взгляд Егора и украдкой поглядывала на него.

– Вы обо мне могли не слышать, – произнес старик. – Я был генералом, командовал дивизией под Бородином. За это получил орден Красного Знамени. Моя фамилия Кюхельбекер.

– Как же я могу вас не знать! – Егор обрадовался вдруг Кюхельбекеру, как старому знакомому. – Я про вас в школе проходил. Вы же были другом Пушкина, вы вместе с ним в лицее учились.

– Неужели меня кто-нибудь помнит? – спросил старик. – Я же чуть не сгинул в просторах Сибири.

– Ну уж не надо! – возразил горячо Егор. – Вы – наш любимый прогрессивный герой.

Егор, конечно, преувеличивал, но хотелось сделать приятное старому человеку, даже если он тронулся от старости.

– О чем вы там шепчетесь? – загремел император. – Не успел приехать и уже плетешь заговоры?

– Нет, ваше величество, я только представился молодому человеку.

– И что же он рассказал? Вас помнят? Вам ставят памятники?

– К сожалению, нет, ваше величество, – ответил старик.

У старика было приятное усталое сухое лицо со спрятанными в глубоких глазницах скорбными глазами. Он был похож на исхудавшего отшельника.

– Поднимем бокалы, – призвал император, – за нашу новую подругу, за милую барышню Люси! Маркизу Люси!

Император захохотал. Старик поморщился.

– Еще этого не хватало, – тихо сказал Егор.

– Мне это тоже отвратительно, – согласился с ним Кюхельбекер. – Но мы с вами не можем остановить потопа.

– Надо бежать, – сказал Егор.

Вокруг придворные вставали и протягивали в сторону императора стаканы и рюмки, наполненные чистой водой. Грязная рука мелькнула рядом, подцепила шпротину и исчезла.

– Никуда вам не убежать, – возразил бывший декабрист.

– Но ведь Земля круглая, – стоял на своем Егор.

– Вы смешной мальчик, – ответил Кюхельбекер. – Наш мир не так прост, как вам может показаться. А император – не просто надувная кукла.

Император снова заставил всех за столом подняться и выпить воды, теперь за здоровье покойной императрицы.

Егор обратил внимание, что много народу стоит за спинами пирующих – это были те, кому не хватило места за столом. «Наверное, они мне завидуют, – подумал Егор, – им кажется, что мне повезло, раз я приближен к императору».

– После обеда не уходи, – сказал Кюхельбекер. – Мне надо с тобой поговорить.

– Хорошо. А что будет с Люськой?

– Она пойдет переваривать пищу, – объяснил старик. – Я думаю, что ей подберут неплохую комнату с мягкой постелью и придадут двух сторожей, чтобы берегли от всяких волнений.

– Но она хочет быть со мной.

– Она сама не знает, чего ей хочется. Не забудь, что ты у нее – только замена счастья и безопасности. А ведь она – оторванный листок, и, если отыщется другой сук, к которому можно приклеиться, она тебя бросит.

– Я ей не навязываюсь. – Егор был покороблен этими словами Кюхельбекера. И еще декабрист, борец за свободу! Не может понять, что ребенка надо оберегать.

– Только не говорите мне, – поморщился старик, – что Люси нежное создание и ее нужно оберегать. Она самая обычная маленькая женщина и вскоре с наслаждением будет тиранить мужчин.

– Ей только двенадцать лет!

– Жены фараонов и турецких султанов в двенадцать лет хозяйничали при дворе.

– Пускай она сама скажет, – возразил Егор.

– Эй, Егор! – крикнул император. – У тебя найдется после обеда полчаса поговорить со старым царем?

Егор бросил взгляд на Кюхельбекера. Тот кивнул.

– Разумеется, – сказал Егор. – Разумеется, ваше величество.

Тут поднялся Дантес и произнес тост за здоровье императора.

– Вы были раньше знакомы? Там? – неожиданно для себя спросил Егор у Кюхельбекера.

– Нет, я был арестован до того, как этот мерзавец появился в Петербурге. Я бы грудью заслонил Александра. Сашу Пушкина. Я звал его Сашей. Он меня – Кюхлей.

– Чудо, – сказал Егор, – что я с вами за одним столом сижу.

– К сожалению – трезвая реальность. С сумасшедшим тираном, бесправными низами и безнадежно слабой интеллигенцией.

– Но надо что-то делать!

– Вот именно! Я тут нашел несколько любопытных людей. Но не уверен, не являются ли они самозванцами. Один называет себя Кантемиром. Есть у нас граф Аракчеев. Вон там сидит.

Граф Аракчеев оказался высоким сухим джентльменом в милицейском мундире, увешанном множеством ветеранских значков.

– А Чапаева у вас нет? – спросил Егор.

– Ах, молодой человек, – сказал Кюхельбекер. – Вы еще не вжились в наш мир. У нас свои законы, свои обычаи, свои развлечения. Борьба с тиранами входит в их число. Есть Чапаев. Но сюда он не придет. Он с ветеранами.

Врет, вдруг понял Егор. Неизвестно как, но понял наверняка. И про Кюхельбекера врет, и про заговор, и, конечно же, про графа Аракчеева. Зачем только – непонятно.

– Может, вам было бы лучше вернуться? – спросил Егор. – Вернуться домой?

Старик засмеялся, и в смехе было слышно, какой он старый.

– Вряд ли кто-нибудь здесь захочет расстаться с бессмертием.

– С таким вот бессмертием?

Они встали, потому что кто-то сказал еще один тост и надо было подняться, чтобы чокнуться бокалами с водой.

– Я готова убить эту девчонку! – прошипела сидевшая напротив женщина в бархатном платье, которое было ей очень велико, и потому женщина казалась сбежавшей из шкафа вешалкой. Тем более что лицо у нее было размытое, с мелкими чертами, которые невозможно запомнить.

– Потерпи, – ответил граф Аракчеев, – и не надо шуметь. Здесь всюду уши.

– Пища – редкость, – объяснил Кюхельбекер. – Получение пищи – мощный стимул к разговорам. Равенства не бывает, молодой человек. Всегда кто-то пьет воду, а кто-то кушает пачули.

– Что кушает?

– Ты этого не знаешь, в твоё время пачули вывелись. А в моей молодости в каждой речке плавали.

Император поднялся и громко сказал старику:

– Вилли, отведешь девчонку в покои номер два. Будешь выводить ее на кормежки и прогулки. Ежедневные проверки, контроль. Затем решу, как поступить.

Император показал толстой лапой на громадные песочные часы, стоявшие на полке над его головой. Раньше их Егор не заметил.

– Слушаюсь, Павел Петрович, – ответил Кюхельбекер, – Моя служба времени не подведет.

– Я тоже с ней пойду, – сказал Егор.

– Нет, – возразил император. – Сначала мы с тобой немного поговорим. Мне нужен свежий ум, мне нужно побеседовать с человеком, который только что прибыл с нашей исторической родины.

Император наклонился – наклоняться ему было трудно – и поцеловал Люську в щеку. Она даже не успела отстраниться, с опозданием отпрыгнула в сторону, опрокинув бокал. Бокал – вдребезги. Раздались аплодисменты.

Женщина с причёской, похожей на луковицу, завопила от дальнего конца стола:

– Изменник! Ты же мне клялся!

Прихрамывая, она побежала к императору. В руке у нее не страшно поблескивал столовый ножик.

Император хохотал. Гости за столом тоже смеялись. Никто не старался остановить женщину.

Добежав до императора, она принялась тыкать в него ножом, нож ударился в бронежилет.

– Щекотно! – хохотал император.

Остальные покатывались от смеха.

Неожиданно женщина повернулась – сколько силы в такой развалине! – и полоснула ножом по Люске. Та взвизгнула от боли. К счастью, Люска была в своем клетчатом пальто – никто не сказал, что перед обедом положено снимать верхнюю одежду.

Но и на пальто сбоку показалась кровь. Велосипедист, стоявший за императором, врезался клином между Павлом и Люской и, обхватив женщину рукой за горло, рванул ее назад.

Император крикнул:

– Маркизу Люси спасти! Всех перебью, если с ней что-то случится. Ее кровь – драгоценность, я хочу насладиться каждой ее каплей!

Люска стояла, пошатываясь. Она прижимала руку к боку, и меж пальцев текла кровь. Вырвавшись из рук старика Кюхельбекера, который старался его поймать, Егор кинулся к Люске.

– Егорушка, – заплакала Люска, – Егорушка, за что меня?

– Все будет хорошо, Люска, ничего страшного не случилось.

– Я умру, да?

Дантес оказался перед Егором.

– Сюда! – приказал он. – Скорее.

Он шустро побежал по залу. Толпа любопытных раздалась в стороны.

Егор подхватил легкую Люску на руки и побежал следом за Дантесом. Он успел заметить табличку «Медпункт». Дантес толкнул дверь. Они оказались в небольшой комнате, где

за занавеской стояла кушетка, покрытая белой простыней, стол с наваленными на нем бумагами, стеклянный шкаф с медицинскими приспособлениями. На полу была разложена детская железная дорога, когда-то такая была и у Егора. Человек в белом халате и белой шапочке с красным крестом стоял на коленях и подталкивал последний вагон поезда. Поезд подъезжал к вокзалу, и человек в халате начал гудеть, чтобы предупредить народ в игрушечном домике, что поезд прибыл по назначению.

Люська тихо плакала.

– Ты что здесь разыгрался, Фрейд! – завопил от двери Дантес. – А ну срочно за дело! Покушение!

– Подождет, – сказал человек в халате, не поднимая головы. – Ничего с ней не случится.

– Идиот! – кричал Дантес. – Она – новая избранница императора.

– Не первая и не последняя. У-у-у-у! – загудел снова доктор.

– Доктор, пожалуйста, – взмолился Егор. – Ей же плохо!

Доктор наконец-то поднял голову.

Он был маленький, из мятого лица торчала седая борода, а над ней блестели голубые глаза.

Дантес в бешенстве ударил ногой по вагончику, тот взлетел и развалился.

– Вот этого я вам никогда не прощу, – сказал доктор, отпрыгнув в сторону, – вы изверг! Егор положил Люську на кушетку.

– Уберите ее! – Доктор метался между остатками железной дороги и кушеткой. – У меня же простыня чистая. Где я другую найду!

– Я тебе сотню принесу, – сказал Дантес.

– А вы молчите! Вы не жилец на свете. Я вас уничтожу!

Дантес не испугался:

– Император срежет вам голову, прежде чем вы меня отравите.

Доктор потянул за край простыни, стараясь вытащить ее из-под Люски.

– Не надо, – попросила Люська, – больно же!

– Странно, – сказал доктор. Он словно проснулся от звука Люскиного голоса. – Такое обильное кровотечение. Девочка, разденься, я тебя посмотрю.

Люська уже заняла все его внимание.

– Я не могу, – захныкала Люська, – мне больно.

– Ну так помогите ей!

Егор приподнял Люську и стащил с нее пальто. Люська помогала ему. Под пальто было голубое платье, мокрое на боку от крови.

– Больше не надо, – сказала Люська, – лучше я сама.

– Ты не стесняйся, – сказал Егор.

– Я все равно стесняюсь. – Брови Люски поднялись чуть ли не к волосам. Ей было больно и неловко.

– У вас сестры, что ли, нету? – спросил Егор у доктора.

– Сестра нам не нужна. Мы же все бессмертные, – сообщил доктор. – А вы давно к нам прибыли?

– Сегодня первое января, – напомнил Дантес доктору.

– Ах, боже мой, совсем забыл. Значит, вы свеженькие и ваша кровь еще не успела смениться той влагой, которая течет в наших жилах. Тогда дело серьезнее, чем я предполагал. Твоя кровь требуется его величеству для поддержания себя в форме. Ну что ж, постараемся остановить кровотечение. Пускай ему будет чем напиться.

– Прекратите глупые шутки, доктор! – рассердился Дантес. – Есть вещи, о которых в приличном обществе не говорят.

– А есть вещи, которые в приличном обществе не делают, – ответил доктор.

Тем временем он задернул занавеску у кушетки и продолжил, уже не видный Егору и Дантесу:

– Терпи, девица, мы тебя еще замуж выдадим. Не мешай мне! Я доктор! Ты когда-нибудь в своей жизни доктора видела?

– Ну ничего, опомнился, – сказал с облегчением Дантес. – А то совсем психованный.

– Оставьте свое мнение при себе, – огрызнулся доктор из-за занавески. – И лучше будет, если вы покинете кабинет. Нечего вам тут делать. Рана у девочки поверхностная, кожу порезало, пустяковые сосудики задело. Будет жить, так и скажите своему кровососу.

– Пошли, пошли. – Дантес потянул Егора к двери.

Егор подчинился.

Они вышли в зал ожидания. Егор ожидал увидеть толпу, но вокруг было пусто – густело народом там, где стоял обеденный стол, словно обед продолжался.

Мрачный велосипедист шагнул к ним. Он отдал Дантесу честь и спросил:

– Его величество интересуется, будет ли жить его избранница?

– Будет жить! – бодро ответил Дантес. – Обязательно будет жить и радовать его величество.

Велосипедист развернулся и тяжело затопал прочь. Дантес задумчиво погладил волнистую прядь волос, падавшую на плечо. Затем сильно дернул себя за волосы, сморщился и криво усмехнулся.

– Порой полезно причинить себе боль, чтобы убедиться в том, что ты еще жив.

– Скажите мне, – взмолился Егор, – только честно. Чего он на самом деле хочет от Люськи?

– Это секрет.

– Я никому не скажу, честное слово.

– Я и без того знаю, что ты никому не скажешь, – согласился Дантес. – Кто тебя будет слушать? И секрет... это секрет Полишинеля. Вряд ли кто-то здесь не знает его.

– Тогда скажите.

– Есть такая оса там, на Земле, я забыл ее название, она парализует свои жертвы, а потом откладывает в них яйца. Получаются живые консервы. Из яиц выводятся осята и начинают пожирать спящую жертву изнутри, пока от нее не останется сухая оболочка. Страшно?

– Я об этом знаю.

– А я, когда услышал об этом впервые, ночь плакал. Современная молодежь бесчувственна.

Дантес замолчал и ждал, что ответит Егор. Егору не хотелось спорить, потому что он думал о Люське – на что намекает этот Дантес?

– Не бледнейте, юноша, не понимайте меня буквально. Наш император верит в то, что его долголетие, бодрость, даже мужские возможности зависят от пищи и любви. Слышите, от пищи и любви. Он жрет изысканные кушанья, и, поверьте мне, нам нелегко их раздобыть здесь, где не растут бананы... Не надо, не задавайте лишних вопросов. Все равно я отвечу только на те из них, на которые хочу ответить. Но главная его забота – соединиться с невинными, непорочными, живыми девушками, которых в наших краях, как вы сами понимаете, не водится. И тут вот такое везение – твоя Люська.

– Он хочет изнасиловать ее?

– Ни в коем случае! Чтобы Павел Петрович решился на это? Нет, он романтик!

– Так чего же ему нужно от Люськи? Кровь ее сосать?

– Прекратите говорить гадости, Егор! Немедленно прекратите! Наш дорогой Павел Петрович ищет истинной любви. Любви, понимаете, мальчишка? Будь его воля, завел бы себе гарем! Его агенты первого января объезжают всю страну, глядят, не выкинуло ли бурей на наш пустынный берег еще одну девицу.

– Ну скажите же, что ему нужно?

– Ты нетерпелив. А император влюбился. Раз император влюбился, то он намерен заполучить твою Людмилу. Но он не может этого сделать, потому что она еще девочка, – он должен ждать, когда ей исполнится шестнадцать, семнадцать... не знаю уж сколько лет! И тогда он женится на ней! У нас все как у людей.

– А до этого? – У Егора отлегло от сердца, но внутреннее напряжение оставалось. Здесь не бывает сказок с хорошим концом.

– А до этого мы будем пасти эту овечку.

– Четыре года? Пять лет?

– Сколько понадобится. Император влюблен.

– Нам нужно отсюда уехать, – сказал Егор.

Вельможа пожал плечами:

– Все в свое время и по воле императора.

Но Егор уже ничему здесь не верил.

– Если вы Дантес, – спросил он, – то почему не умерли во Франции?

– Я приехал к родственникам в Россию, – сказал вельможа. – У меня здесь остались родственники. В семействе Гончаровых. Впрочем, это уже не играет никакой роли.

Послышался шум. Егор оглянулся. К ним приближался император. Два велосипедиста поддерживали его под локти.

Сзади толклись придворные и просто зеваки. Император добродушно заговорил:

– Вижу моего доброго приятеля. Как ты, Егор, хорошо ли себя чувствуешь? Помнишь ли, что мы собирались с тобой побеседовать после обеда? Ты уж, пожалуйста, меня не подводи. Где девочка?

Дантес, согнувшись в поклоне, толкнул дверь. Дверь отворилась.

– Сюда нельзя! – послышался голос врача.

– Ах ты, мой Фрейд, ах ты, мой эскапист! – весело воскликнул император. – Опять за свои бредни взялся?

Император втиснулся в дверь, охрана осталась снаружи. Спина императора закрывала дверной проем, но Егору было слышно, о чем идет разговор.

– Пусти меня к ней, – сказал император.

– Она раздета. Она лежит. Я ее перевязываю.

– О, как это нежно! Дай мне поглядеть на ее тельце!

– Император, здесь я хозяин, – сказал доктор. – И раз уж мы распределили роли таким образом, ты мне будешь подчиняться в этой маленькой комнатке, а я буду подчиняться тебе на всей остальной земле.

– Ой, ты рискуешь!

– Нет, я знаю многое, чего остальным знать не дано. И жизнь многих в моих руках.

– Ах, оставь, Фрейд. Я только погляжу на нее.

Спина императора двинулась вперед. За ним втиснулись в медпункт велосипедисты. Егор слышал, как трескали куски погибшей железной дороги.

– Уйдите! – сказала Люська.

– Ты – царица этого мира, – сказал негромко император. – И я сам положу его к твоим ногам.

– Вы хотите мою кровь пить, – сказала Люська.

– Ну кто сказал тебе такую чушь! Я вижу линию твоих прекрасных бровей и линию твоих будущих бедер, я вижу, как скоро наполнятся упругой плотью твои перси...

– Император, больной вредно волноваться, – сказал доктор скрипучим голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.